

В. А. Захаров
В. А. Иванов

**ГЮЛИСТАНСКИЙ
ДОГОВОР
12 (24) октября 1813 г.**

---

*Из истории очередного этапа
российской политики в Закавказье*

**Владимир Александрович Иванов
Владимир Александрович Захаров
Гюлистанский договор 12 (24) октября 1813 г**

ABBY PDF Transformer+

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=16042936

Гюлистанский договор 12 (24) октября 1813 г. / Захаров В.А, Иванов В.А.: Пробел-2000; Москва;

2014

ISBN 978-5-98604-459-0

Аннотация

В 2013 году исполнилось 200 лет с момента заключения Гюлистанского мирного договора. Подписанный в Северном Арцахе, в самом сердце владений армянских Мелик-Бегларянов документ, ознаменовал собой как определенный этап в поступательном движении российской политики в регионе, так и немаловажные территориальные приобретения. Вместе с тем, нередко и вполне обоснованно, указывалось на то, что он, по сути, стал залогом не окончательного мира, а явился лишь длительным перемирием.

Однако, несмотря на свою «промежуточность» (ибо окончательными явились положения заключенного 10 (22) февраля 1828 г. Туркманчайского русско-персидского договора) этот трактат, положивший конец длительному русско-персидскому противостоянию 1804–1813 гг., и перемежавшийся с участием России в данный период в III (1805 г.), IV (1806–1807 гг.), VI (1812–1814 гг.) антифранцузских коалициях, русско-турецкой (1806–1812 гг.), русско-шведской (1808–1809 гг.), русско-английской (1807–1812 гг.) войнах, а также с Отечественной войной (1812 г.), Заграничными походами русской армии (1813–1814 гг.), является важным событием, ибо заложил определенный фундамент для дальнейшего укрепления российских позиций в регионе.

Содержание

Введение	4
Глава I	7
Глава II	30
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Владимир Захаров, Владимир Иванов Гюлистанский договор 12 (24) октября 1813 г. Из истории очередного этапа российской политики в Закавказье

Введение

В 2013 году исполнилось 200 лет с момента заключения Гюлистанского мирного договора. Подписанный в Северном Арцахе, в самом сердце владений армянских Мелик-Бегларянов документ, ознаменовал собой как определенный этап в поступательном движении российской политики в регионе, так и немаловажные территориальные приобретения. Вместе с тем, нередко и вполне обоснованно, указывалось на то, что он, по-сути, стал залогом не окончательного мира, а явился лишь длительным перемирием. Так, например, В. Дилоян отмечает «Война не обеспечила ни одной из сторон [окончательной] реализации [собственных] военно-политических программ. Поэтому, хотя и Гюлистанское соглашение и было охарактеризовано в качестве «вечного» – оно не могло удовлетворить ни одну из сторон. Персия, которая стала политическим оружием и фактической жертвой в руках английской и французской дипломатии на Ближнем и Среднем Востоке, не могла смириться с потерей своих прежних владений в Закавказье. Что касается России, то девятилетняя война ей [также] не принесла полного успеха, так как военно-политическая программа, нацеленная на расширение границ до Аракса и Куры осталась нереализованной... «Вечный» мир фактически явился длительным перемирием, чреватым новой войной»¹.

Однако, несмотря на свою «промежуточность» (ибо окончательными явились положения заключенного 10 (22) февраля 1828 г. Туркманчайского русско-персидского договора) этот трактат, положивший конец длительному русско-персидскому противостоянию 1804–1813 гг., и перемежавшийся с участием России в данный период в III (1805 г.), IV (1806–1807 гг.), VI (1812–1814 гг.) антифранцузских коалициях, русско-турецкой (1806–1812 гг.), русско-шведской (1808–1809 гг.), русско-английской (1807–1812 гг.) войнах, а также с Отечественной войной (1812 г.), Заграничными походами русской армии (1813–1814 гг.), является важным событием, ибо заложил определенный фундамент для дальнейшего укрепления российских позиций в регионе. Сложная, зачастую противоречивая канва событий на Европейском театре иногда напрямую, а чаще – опосредованно, накладывала свой отпечаток на ситуацию в Закавказье в частности, и на деятельность дипломатов и военных великих держав (в том числе и России) на Среднем Востоке в целом. И российской дипломатии и военным, практически изначально, пришлось иметь дело не с одним лишь Ираном. Следовало учитывать дипломатическую и военную активность Турции, а также парировать действия французской, а в дальнейшем – в еще большей мере – английской дипломатии (несмотря на время от времени теплевшие или обострявшиеся взаимоотношения), стремившихся не допустить увеличения влияния России на восточном направлении. Как бы ни складывались дела на Западе, на Востоке в данный период времени имела место «война всех против всех». Так, например, заключение Тильзитского договора 25 июня (7 июля) 1807 г. с Наполеоном, хотя в определенной мере и ударило по французским позициям в самом Иране, однако не снизило интереса французской дипломатии на Среднем Востоке и Закавказье.

---

¹ Дилоян В. Восточная Армения в первой трети XIX века и армяно-русские отношения. Ер., 1989, С. 189 (на арм. яз.).

казье. Тоже самое, можно сказать и про Эребруйский мир (6) 18 июля 1812 г. с англичанами, завершивший вялое военное противостояние (вылилось в целом, в несколько мелких стычек) между Россией и Англией в 1807–1812 гг., но отнюдь не приведший к сворачиванию английской военно-дипломатической активности на Востоке. Сам же Гюлистанский договор заключался в обстановке ожидания одного из крупнейших боевых столкновений того времени – «битвы народов» под Лейпцигом, и никто не мог заранее предугадать, чем она завершится. Новым ли поражением союзников по VI антифранцузской коалиции, или же разгромом Наполеона. А в зависимости от этого (хотя, не только одного этого фактора) могла измениться и обстановка на Закавказском театре. И потому, Гюлистанский договор был, хоть и не вполне полной, но все таки – победой. Не раз было сказано, что история не любит сослагательного наклонения. Но не было бы Гюлистана, то, быть может, не было бы и Туркманчая. И неизвестно, как бы изменилась политическая карта и этнодемографическая мозаика региона.

Конечно, тема не является новой, и целый ряд аспектов, связанных с русско-персидской войной 1804–1813 гг. и Гюлистанским договором уже давно стал предметом рассмотрения в трудах многих известных авторов, таких, как, например, Н.Дубровин и В.Потто². Работы последних, несмотря на известную долю апологетичности, тем не менее, содержат богатейший фактологический материал и актуальны и по сей день. В советское время, к тем или иным аспектам, имеющим непосредственное или же частичное отношение к данному периоду обращались такие авторы как О. Маркова, А. Р. Иоаннисян, А. Фадеев, М. Игамбердыев, Н. Киняпина, М. Блиев, В. Дегоев, Н. Кузнецова, Б. Балаян, уже отмеченный выше В. Дилоян³ и многие иные. Не снижается интерес к данной тематике и сегодня, свидетельством чему является, например, серия интересных публикаций С. Тарасова⁴. Как отмечается в одном из недавних исследований на эту тему «Этот договор интересен для современного изучения тем, что между 1813 и 2013 годами существует немало условных исторических параллелей. Вот некоторые из них

- Несмотря на длительное нахождение ряда теперь независимых государств этого региона в составе СССР (фактически в составе слегка видоизмененной Российской Империи), и в 19 веке и сегодня страны Закавказья используются ведущими внешнеполитическими игроками для угроз безопасности России в направлении Ближнего Востока;
- Формальной причиной участия русской армии в боевых действиях в Закавказье в 1804–1813 годах и в 2008 году стала Грузия;
- И в начале 19 века и в начале 21 века баланс военной силы в этом регионе, в принципе, остался неизменным Иран и Турция обладают крупнейшими армиями в этом регионе, обладающими примерно одинаковым военным потенциалом. Россия имеет неоспоримое качественное и количественное превосходство над ними в военной сфере;
- И в 1813 и в 2008 году Россия не смогла в полной мере воспользоваться победой русского оружия и реализовать свои стратегические интересы в Закавказье. Как тогда Рос-

² Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. ТТ. I–VIII, СПб, 1871–1888; Потто В. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. В 5-ти ТТ. СПб., 1887–1889; его же Первые добровольцы Карабаха в эпоху водворения русского владычества (Мелик-Вани и Акоп-Юзбаша Атабековы). Тифлис, 1902.

³ Маркова О. Восстание в Кахетии. М., 1951; Иоаннисян А.Р. Присоединение Закавказья к России и международные отношения в начале XIX столетия. Ер., 1958; Фадеев А. Россия и Кавказ первой трети XIX в. М., 1960; Игамбердыев М. Иран в международных отношениях первой трети XIX века. Самарканд, 1961; Киняпина И., Блиев М., Дегоев В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России. Вторая половина XVIII – 80-е годы XIX в. М., 1984; Кузнецова И. Иран в первой половине XIX века. М., 1983; Балаян Б. Дипломатическая история русско-иранских войн и присоединения Восточной Армении к России. Ер., 1988.

⁴ Тарасов С. Россия, Персия и Карабах открытия Гюлистанского договора 1813 года. URL <http://www.iarex.ru/articles/40304.html>; его же Как генерал Ермолов бился за Карабах URL <http://www.iarex.ru/articles/40304.html> и др.

сийская империя, так и современная Россия понимает важность Кавказа как военно-стратегического плацдарма для проведения своей восточной политики. Расширение и упрочение владений на Кавказе давало возможность установления стабильных границ, приобретения новых рынков сбыта и получения источников сырья. В правительственных кругах Российской империи и современной России осознавали и осознают экономическую значимость Кавказа, учитывая, что здесь пролегают пути из Европы на Средний и Ближний Восток»⁵.

С этим доводами трудно не согласиться. Приводимые аналогии вполне объясняют исследовательский интерес к данной теме. Геополитическое значение указанных регионов со временем отнюдь не снизилось. Поэтому, появление все новых исследований на обозначенную тематику (даже ретроспективного характера), имеет, по сути, прикладное значение, ибо позволяет более четко представлять себе как значение того или иного региона в прошлом, так и интересы региональных и внерегиональных игроков в настоящем. Что с того, что например, нефтегазовые или иные корпорации некоторых известных государств сменили Ост-Индскую компанию? Суть их геополитических задач от этого не особо изменилась.

В предлагаемой же читателям, носящей научно-популярных характер работе, также сделана попытка более детального представления ряда моментов, связанных с событиями того времени. Дипломатические аспекты по ходу изложения зачастую будут перемежаться с военными, и наоборот, что обусловлено спецификой темы и стремлением более детально представить всю сложность тогдашней обстановки. Победы давались (как на военном, так и на дипломатическом поприще) тогда также отнюдь не просто.

Авторы заранее выражают благодарность за конструктивную критику.

---

⁵ Современное значение Гюлистанского мирного договора. М., 2013. С. 4.

Глава I

Начало русско-персидской войны от первого Эриванского похода до гибели Цицианова⁶

Поступательная политика России в Закавказье, деятельно продолженная в первой трети XIX в., ознаменовалась конфронтацией в военно-политической сфере с иными региональными акторами и, в частности, с Ираном и Турцией. Как отмечает Б. Балаян «Первая русско-иранская война была продолжением затянувшегося конфликта, вызванного в конце XVIII века двумя вторжениями в Закавказье войск Ага-Мохаммед хана (в 1795 и 1797 гг.), а в начале XIX века – стремлением Фатх-Али шаха, и посредством войны с Россией при содействии держав восстановить иранское господство в Закавказье. Реваншистские планы Каджаров в отношении Закавказья осуществлялись в сложной международной обстановке, вызванной борьбой Англии и Франции за господство в Европе и на Востоке и продвижением царских войск к бассейнам Каспийского и Черного морей»⁷.

Не углубляясь здесь в подробное изложение предыстории русско-персидской войны, нюансах российской внешней политики в Грузии в частности и в Закавказье в целом в XVIII – начале XIX вв., также как о внешних факторах⁸, отметим лишь, что вспыхнувшая после убийства Ага-Мохаммед-хана новая смута, определенное время не давала Ирану возможности вновь вплотную заняться Закавказьем, которое представляло тогда пеструю картину фактически независимых, или полунезависимых от шахов владений. Для восстановления своего влияния Каджарам требовалось некоторое время. Со своей стороны, правители данных владений представляли проблему не только для Ирана, но и для российского командования своими неуправляемыми действиями.

---

⁶ В силу перемежающихся аспектов, мы, следуя отчасти примеру А. Берже, а также В. Потто и Н. Аносова (см. например Утверждение русского владычества на Кавказе. Т. II, Тифлис, 1902) условно разграничили основные этапы русско-персидского противостояния по годам управления 5 главнокомандующих. Таким образом, первая глава охватывает период деятельности Цицианова, вторая (в силу частой смены главнокомандующих) – сразу Гудовича, Пауллуччи и Торماسова, третья – Ртищева. В следующих двух рассматривается роль Англии и Франции в возникновении и затягивании русско-персидской войны. Заключительная посвящена переговорам в Гюлистане.

⁷ Балаян Б. Дипломатическая история русско-иранских войн и присоединение Восточной Армении к России. Ер., 1988, С. 26. Борьба российской дипломатии с английской и французской более подробно представлена в главах IV, V, VI.

⁸ О присоединении Грузии, см. например Дубровин Н. Георгий XII последний царь Грузии и присоединение ее к России. СПб., 1897; Авалов З. Присоединение Грузии к России. М., 2011; Берд-зенишвили Н., Джавахишвили И., Джанашиа С. История Грузии. Ч. 1, Изд. 2-е, Тбилиси, 1950; о нюансах российской внешней политики в предыдущий период, см. например Бушков П. Материалы для новой истории Кавказа. Ч. 1–3, СПб., 1869; Маркова О. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII веке. М., 1966; Кинянина Н., Блиев М., Дегоев В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России. Вторая половина XVIII- 80-е годы XIX в. М., 1984.

Ага-Мохаммед-хан

Необходимость обороны присоединенного Картли-Кахетинского царства (Георгиевским трактатом 24 июля 1783 г., подтвержденным манифестами императоров Павла I от 18 января 1801 г. и Александра I от 12 сентября 1801 г.), также как устройства гражданской части, соображения геополитического и геоэкономического характера, требовавшие решительных мер, не позволяли российской стороне почитать на лаврах. Управление вверенным им краем К.Ф. Кноррингом и П.С. Коваленским, в итоге, было признано в Санкт-Петербурге, как неудовлетворительное, и не соответствовавшее требованиям складывающейся обстановки. В итоге, тяжелое бремя по решению всех этих задач было возложено на князя П. Д. Цицианова (1754–1806 гг.), назначенного рескриптом императора Александра I в сентябре 1802 г. инспектором Кавказской линии и главнокомандующим в Грузии.

В. Потто, говоря о жизненном пути Цицианова отмечал следующее «Князь Павел Дмитриевич Цицианов происходил из знатнейшей грузинской княжеской фамилии и находился в близком родстве с последним царствовавшим домом Грузии. В русскую службу вступил еще дед его в царствование Анны Иоанновны; он был убит во время шведской войны под Вильманстрандом, и с тех пор семейство князей Цициановых осталось в России навсегда. Князь Павел Дмитриевич родился восьмого сентября 1754 года в Москве. Он начал военную службу в Преображенском полку, но вскоре переведен был в армию и в 1786 году, вместе с производством в полковники, назначен командиром Санкт-Петербургского гренадерского полка. Дело под Хотиным (тридцать первого июля 1788 года), где он сражался со своим пол-

ком на глазах Румянцева, сразу выдвинуло князя из ряда сослуживцев. Кагульский герой с восторгом смотрел на быстроту, энергию и распорядительность юного полкового командира и тут же, на самом месте боя, предрек ему блестящую военную карьеру. Но турецкая война не дала Цицианову возможности развернуть в полной мере свои боевые достоинства; полк его вскоре был передвинут в Польшу. Но, тем не менее, он был уже замечен, и в 1793 году, в день торжества заключения мира, произведен в генерал-майоры. Армия знала Цицианова, впрочем, не по одним военным заслугам; его любили за тонкий, наблюдательный ум и за острый язык, которого побаивались даже сильные мира. В армии ходила в то время по рукам и читалась тайком его известная сатира «Беседа русских солдат в царстве мертвых», где в разговоре убитых солдат Двужильного и Статного изложена была едкая критика на современные военные события и на Потемкина. Памятный для русских 1794 год застал Цицианова в Гродно, где, по его выражению, «он стоял с полком, как на ножах», потому что в крае с минуты на минуту ожидали восстания. Кровавая резня, известная под именем Варшавской заутрени, нашла себе отголосок в Вильно и в Гродно. В первом из этих городов войска были застигнуты врасплох и понесли немало утрат, но в Гродно мятеж совершенно не удался. Цицианов, не веривший льстивым польским речам, зорко следил за настроением умов, не допускал наплыва в город праздного люда и держал свой полк постоянно наготове. При первом взрыве мятежа он вывел свои батальоны из Гродно, обложил ими город и под угрозой штурма заставил магистрат выдать главных зачинщиков. На жителей он наложил контрибуцию в сто тысяч рублей, назначив для ее сбора однодневный срок; и страшные жерла орудий, наведенные на улицы, вид батальонов, готовых по первому знаку не оставить камня на камне, заставили поспешить с исполнением требований грозного князя.

Пётр Данилович Цицианов

Цицианов П.Д.

Слух об этом, облетаев окрестности, много способствовал тому, что спокойствие и порядок были сохранены в соседних городах и местечках. Между тем полк получил приказание выступить к Вильно. Цицианов по пути выгнал из Слонима мятежные банды князя Сапеги, затем командовал всеми войсками, которые штурмовали Вильно, а в августе с одним батальоном быстро перешел в Минскую губернию и у местечка Любавы наголову разбил отряд Грабовского, взяв его самого в плен вместе со всей артиллерией. Подвиги Цицианова так выделились тогда на общем фоне военных действий, что сам Суворов в одном из приказов предписывал войскам «сражаться решительно, как храбрый генерал Цицианов»... Ордена св. Владимира 3-ей степени за Гродно, Георгия на шею за Вильно, золотая шпага с надписью «За храбрость» за поражение Грабовского и полторы тысячи десятин земли за окончание войны были наградами князя Цицианова»⁹.

---

⁹ *Потто В.* Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Т. I. От древнейших времен до Ермолова. Вып. 3, СПб., 1887, С. 315–317.

В этой, не лишенной апологетической нагрузки характеристике князя, историком тем не менее было выделено вслед за Суворовым одно важнейшее, среди многих иных, качество князя – решительность. Помимо этого, Цицианов не понаслышке знал реалии региона. Так, В. Потто, продолжая биографию князя отмечал «Назначенный императрицей в корпус графа Валериана Александровича Зубова, Цицианов участвовал в персидском походе и некоторое время был комендантом в городе Баку, где сблизился с Гуссейн-Кули-ханом, сделавшимся впоследствии его гнусным убийцей. Короткий период царствования Павла Петровича, подобно большей части лиц, отличенных Екатериной, Цицианов провел в отставке. Император Александр снова призвал его на службу, произвел в генерал-лейтенанты и одиннадцатого сентября 1802 года назначил инспектором Кавказской линии и главнокомандующим в Грузию. Истощенная борьбой Грузия требовала энергичного, твердого правителя, и в этом отношении выбор Цицианова был безошибочен. С назначением его для Грузии наступают лучшие времена, времена действительной защиты царства русским оружием и полной перемены внутренней и внешней политики, приведшей к покорению всего того, что издавна было враждебно царству и мешало его жизни и правильному развитию. При Цицианове уже не враги разоряют Грузию, а сама Грузия берет в свои руки судьбу окружающих ее народов»¹⁰.

Работая над улучшением гражданской части управления, параллельно, Цицианов активно пытался решать и военно-политические задачи. С целью пресечения набегов Джаро-Белоканских лезгин на Грузию, князем была развернута против них решительная борьба. Уже в начале 1803 г., (с 27 марта по 12 апреля) русскими войсками были осуществлены операции против Джаро-Белоканских вольных обществ собственно Джар-Белокана, Катеха, Тальского, Мухахского и Дженихского. На берегу р. Алазани был построен Александрийский редут. Князем также велись активные переговоры о подданстве окрестных владетелей. В результате, в 1804 г. Мингрелия и Имеретия (правда смуты в последней, подстрекаемой царем Соломоном продолжались еще несколько лет), официально стали считаться в подданстве Российской Империи. Велись переговоры и с Эриванским ханом и иными владетелями. Очередной крупной военно-политической акцией князя явилось занятие Гянджи (январь 1804 г.), хан которой занимал резко отрицательное отношение к российской политике и отличился в организации целого ряда набегов на подконтрольную российской власти территорию. Укрепления были взяты решительным штурмом, после категорического отказа сдаваться. Хан был убит в бою, а сам город получил новое название – Елизаветполь.

Между тем, назревало решительное боевое столкновение с Ираном. Как уже было отмечено, вновь вспыхнувшая после убийства Ага-Мохаммед-хана внутренняя борьба за власть несколько отвлекла внимание Каджаров от Закавказья. Племянник Ага-Мохаммед-хана Фатх-Али-шах (Баба-хан) еще к середине 1801 г. продолжал бороться с некоторыми конкурентами. Так, в рапорте консула Скибиневского генерал-лейтенанту Кноррингу от 21 августа 1801 г. отмечалось «Сейчас получил я верное известие, что Баба-хан неудачное имел сражение в недалеком расстоянии от Тегерана с братом своим Хусейн-ханом, и будучи разбит, ушел в город сей; а брат удалился в Испагань для собрания большего числа войск. Безо всякого успеха и из Хорасана возвращается войско Баба-ханово, под начальством Сулейман-хана»¹¹.

Но, постепенно, Фатх-Али-шаху удается взять перевес над своими противниками. Каджары начинают готовиться к реваншу. Уже к концу 1801 г. донесения русскому командованию начинают принимать более тревожный характер. Так, в рапорте генерал-майора Лазарева от 5 декабря 1801 г. генерал-лейтенанту Кноррингу отмечалось «Сего числа пришел ко мне

¹⁰ Там же. С. 317.

¹¹ Акты, собранные Кавказской Археографической Комиссией (далее – АКАК). Тифлис, 1866. Т. II. С. 684.

здешний мокалак Исай Николаев, имеющий торг в Тавризе и представил мне письмо, им полученное от его прикащика там находящегося, по которому видно, что баба-хан делает приготовление к выступлению в поход на Грузию после обыкновенного их праздника ноу-руза – что по нашему приходит около 10 марта»¹². Опасения на тот момент оказались необоснованными. Однако упорные слухи о готовящемся персидском наступлении продолжали циркулировать и позже. Русская сторона тщательно взвешивала поступавшие к ней из многочисленных источников данные. В результате, уже в рапорте Скибиневского Кноррингу от 7 мая 1802 г. не подтверждались сведения о концентрации персидских войск для похода. Вместе с тем отмечалось, что таковое намерение существует¹³.

---

¹² Там же.

¹³ Там же. С. 689.

Фатх-Али-шах

Готовность персидской стороны к наступлению, как уже было сказано, зависела в немалой мере от внутреннего состояния Ирана. И по мере относительной стабилизации внутренней обстановки и упрочения власти Фатх-Али-шаха, начала активизироваться и политика Каджаров на закавказском направлении. Неоднократно перехватывались персидские фирманы к различным закавказским владельцам и населению с призывами выступить против русских и покориться Ирану. Так, в одном из фирманов 1803 г. к населению Кахетии говорилось «Известно, что Грузия составляет часть иранских владений. По оплошности грузинских царей, заблужденные русские уже начали помышлять утвердиться в этой стране. Александр-мирза и Темураз-мирза прибыли к нашему двору. Наша высочайшая воля состоялась для оказания покровительства этим царевичам и отторжения Грузии от прокля-

тых русских. А потому ныне, удостоя их высочества монарших милостей, командировали их к наследнику нашему Аббас-мирзе, которого отрядили в Грузию с 50 000 армией и всеми снарядами и приготовлениями. Мы же сами в 1-х числах сафара снимемся из столицы и направимся в Грузию и Кизляр. По милости Божьей те страны будут очищены от гяуров русских и истреблены мечами победоносных воинов и царевици будут утверждены в Грузии. А потому вы должны собрать свои ополчения и быть в готовности...»¹⁴. О том, что Каджары загодя готовились к войне, свидетельствовала и отправка ими в 1803 г. эмиссаров в Турцию, с целью организации совместного ирано-турецкого выступления против русских. Однако на тот момент в Константинополе (особенно, после энергичного вмешательства русского дипломатического представителя Италинского) отказались всерьез рассматривать предложение персов¹⁵.

Уже с начала 1804 г. обстановка в Закавказье стала еще более тревожной. В начале того же года войскам Фатх-Али-шаха удалось взять Мешхед и нанести поражение одному из оставшихся конкурентов – Надир-мирзе. В письме одного современника (Арютин Испатионова к брату своему Семену) от 24 февраля 1804 г. из Тавриза отмечалось «Получили здесь фирман и объявили, что после байрама сын персидского шаха приедет в Ганджу по дороге Куры с 60 000 чел., а два вельможи приехавшие сюда с 30 000 чел. едут непременно в Эривань...»¹⁶. На этот раз, все сведения, поступавшие в русскому командованию оказались верными шах покончив с наиболее опасными конкурентами, в самом деле решил начать полномасштабную войну.

Следует отметить, что российскую дипломатию также не вполне удовлетворяла (исходя из интересов не только безопасности, но и торгово-экономических) та приграничная зыбкая конфигурация, которая существовала перед войной. Так, в частности, 26 сентября 1802 г. рескриптом Александра I была утверждена принятая Негласным Комитетом программа В. Зубова о целесообразности установления российских границ по рр. Араксу, Куре и Риони¹⁷. Помимо этого имелось также постановление Государственного Совета от 14 апреля 1802 г., о целесообразности присоединения Эриванского и Гянджинского ханств (переговоры с первым продолжались вплоть до войны, второе, как уже было отмечено, было присоединено вследствие боевого столкновения, вызванного целой серией недружественных актов Гянджинского хана). Однако окончательно, эта программа, с различными корректировками, была сформирована позже. Еще в 1803 г., в Грузию, для содействия П. Цицианову, императором Александром I был направлен чиновник министерства иностранных дел П. М. Литвинов. За несколько лет пребывания в Закавказье (вернулся в Санкт-Петербург только в 1808 г.), Литвиновым, на основе ознакомления с местными реалиями, был составлен ряд записок, представленных Александру I («Сведения и замечания о Грузии, Имеретии и Мингрелии»), «О хозяйственных видах на Грузию, Имеретию и Мингрелию, как в пользу сих владений, так и для торговли с Россиею», «О вредном обращении золотой и серебряной монеты для пользы Российского правительства, чиновников и частных россиян в Грузии живущих», «Замечания о персидских делах»), в которых затрагивался чрезвычайно широкий спектр проблем и, в том числе, в русско-персидской приграничной сфере. Последней, главным образом посвящена вышеупомянутая записка «Замечания о персидских делах», В них, Литвинов, учитывая прежний опыт и принимая во внимание современные реалии, настаивает на необходимости установления русско-персидских границ по водным преградам – по

¹⁴ АКАК, т. II. С. 804–805.

¹⁵ Иоаннисян А.Р. Присоединение Закавказья к России и международные отношения в начале XIX столетия. Ер., С. 68–71.

¹⁶ ¹⁶ АКАК, т. II. С. 806.

¹⁷ Тунян В. Определение «новой» границы России на Южном Кавказе (1808–1810)// Вестник РАУ, Серия гуманитарные и общественные науки, № 1, 2003, Ер., С. 18.

Араксу и Куре, исходя из невозможности по иному твердо обеспечить российские территориальные приобретения и безопасность, и проистекающие от этого торгово-экономические выгоды. Так, в частности, он указывает «Излишне было бы доказывать, что безвыгодно для России приобретение границы, отделяемой сухопутной чертой из Персии». Развивая свою мысль дальше, он пишет, что приграничную линию нужно устанавливать по естественным, «природным» границам, коих две «Первая есть северная сторона Кавказа по рекам Кубани и Тереку; вторая, естественная, идет по Куре, Араксу, Арпачаю и по реке Чорох, впадающей в Черное море у Батума. Коль скоро мы перешагнули через первую, должно утвердиться на последней»¹⁸.

Император Александр I

Между тем, 23 мая 1804 г. Мирза Шефи направил на имя ген. Цицианова письмо (по сути, являвшееся ультиматумом), в котором требовал удаления русских войск из Закавказья. В частности, в нем отмечалось «извещаю вас, что в настоящее время мой шахиншах получил известие, что ваше высокостепенство, продолжающее свое пребывание в Тифлисе, под

---

¹⁸ Цит. по Тунян В. Определение «новой» границы России на Южном Кавказе (1808–1810)// Вестник РАУ, Серия гуманитарные и общественные науки, № 1, 2003, Ер., С. 18.

предлогом производства торговли, ныне протягиваете руку притеснения в пределы Гянджи и Дагестана. А как до сих пор мы причину вашего прихода в Иранские области считали только для торговых целей, то ныне от настоящего вашего поступка, удостоверившись в нарушении вами обетов дружбы и приязни, не можем постичь, кто именно виновник этого вашего действия; а потому шахиншах, отрядив от двора своего наследника престола с мудрыми полководцами в ту сторону, куда он двинулся из Казвина 12-го мухаррема, его величество вслед за ним же соизволит подняться из своей резиденции и переход за переходом будет следовать за наследником. А потому вам, как пекущемуся о пользах своей Державы и предвидящему последствие событий, подобает утушить пламя этого возженного огня. Для этой цели я отправляю к вам Якуб бека Геранлийского и если вы имеете завоевательные намерения, то просим удержаться на своем месте, для того, чтобы быть очевидцем той участи, которая вас постигнет... Но если вы с потомками Ираклий-хана под прикрытием вашего коварства имеете сделку о распространении торговли в Тифлисе и завладении оным городом, то постыдность такового коварства очевидна, а потому, шахские области вы должны без малейшего предлога очистить и прислать доверенное лицо к сыну Гургин-хана, состоящего при стремнах наследного принца, для ведения переговоров и восстановления обоюдного согласия»¹⁹.

Фактически, смысл послания говорил о том, что Иран немедленно готов начать боевые действия. Цицианов в ответном письме от 27 мая решительно заявил «Письмо вами писанное и поднесенное мне Якуб-беком, такого несоответственного слога не достойно Богом вознесенной Империи, ни моему званию, ни благонравию и воспитанию, отделяющему человека от бессловесной твари, что недостойно иного ответа как мечом с пламенем начертанного... буде штыки моих детей вам не нравятся, пришлите ушедших из Грузии царевичей Александра и Теймураза Грузинских, раздиравших Грузию междоусобной бранью, и тогда мир настанет и кровью персиян не намочены будут обильные нивы. Впрочем, воля ваша; призываю вас, буде в состоянии испытывать несметную свою силу с высокославным и непобедимым оружием Е.И.В. всемилостивейшего Государя моего; я вас на Куре и на Гокче, по словам писем царевичей, в моих руках находящихся, готов принять штыками и ядрами»²⁰.

Уже весной 1804 г. у Тавриза было сконцентрировано около 40 тыс. персидских войск во главе с престолонаследником Аббас-Мирзой.

В перспективе, ожидалось также прибытие еще самого шаха с армией в 60 тыс. человек. К этим войскам предполагалось присоединение и войск Эриванского ханства, для чего визирь Мирза-Шефи прибыл туда на переговоры. Персам удалось сосредоточить значительное количество сил и средств. Однако, как отмечает М. Игамбердыев «Как видно из названий полков иранских войск, племен и имен ханов и сердаров, принимавших участие в кампании русско-иранской войны, военные действия велись со стороны Ирана исключительно силами тюркских племен областей Северного Ирана и Южного Азербайджана (Азербайджан, Гилян, Мазандеран, Табаристан), части Тегерана (частично Керман и Луристан), которые поддерживали Баба-хана. Племена южного Ирана – курды, бахтияры и др. не принимали участия в русско-иранской войне 1804–1813 гг.»²¹.

Русская сторона также деятельно готовилась к боевому столкновению. Тем не менее, сугубо в численном отношении она значительно уступала персидской армии, сконцентрированной на границах. Так, в канун боевого столкновения, Российская империя располагала в Закавказье следующими силами 7 пехотных полков (Кавказский гренадерский, 9-й, 15-й и 17-й егерские, Тифлиссский, Кабардинский и Севастопольский мушкетерские с 24 оруди-

¹⁹ АКАК, т. II. С. 807.

²⁰ АКАК, т. II. С. 808.

²¹ *Игамбердыев М.* Иран в международных отношениях первой трети XIX века. Самарканд. 1961. С. 75.

ями). Из кавалерии – Нарвский драгунский полк и части Донского казачьего войска²². Вдобавок, войска (в целях необходимой охраны различных пунктов) были разбросаны на значительной территории

В мае 1804 г. Цицианов закончил концентрацию своих сил в Саганлугском военном лагере под Тифлисом. Согласно И. Дубровину, численность отряда, который Цицианов мог вывести в поле, составляла 4080 чел.²³, а по данным М. Богдановича – 4 600 чел.²⁴. Как на тот момент, так и позже, численность русских войск в Закавказье всегда оставалась небольшой. Все остальные главнокомандующие при формировании сводных отрядов также редко когда могли выставлять в поле значительное число бойцов. Настоятельная необходимость прикрытия более-менее важных с военно-стратегической точки зрения участков, приводила к распылению и без того немногочисленных русских сил.

Двинувшись на Эриванское ханство, П. Цицианов оставил небольшое количество войск для охраны основных пунктов правого и левого флангов. Сугубо в военном отношении, логику Цицианова можно было понять. Оборонять с такими незначительными силами столь огромную территорию не представлялось возможным. В условиях явной нехватки сил и невозможности обеспечения прочной обороны, парировать удары превосходящих персидских войск возможно было лишь при встречном наступлении. Кроме того, пассивная оборона в этих условиях могла быть чревата утратой военной инициативы, переход которой к противнику создал бы ему колоссальные возможности для маневра и атаки практически по всей линии соприкосновения. Прорыв, и, как минимум – разорение и грабеж населения в этих условиях явился бы неизбежным фактом. Неспособность же (в силу отмеченной выше малочисленности войск) предотвращения подобных прорывов имела бы не только чрезвычайно неблагоприятные последствия в военном, но и в политическом отношении. В этом смысле, мнение одного анонимного автора касательно неосмотрительности П.Д. Цицианова и о том, что Эриванский поход в немалой степени был вызван в немалой степени натянутыми личными отношениями между князем и эриванским ханом, вызывает определенные сомнения. Так, он пишет «Я умалчиваю здесь о многих причинах, побудивших к предприятию сей компании, так же о пользах и неудобствах к приобретению Эривани, о достоверных известиях приближения Баба-ханова с войском, о разных мнениях и предположениях на сей счет кн. Цицианова, о грубых и ругательных отзывах его к Баба-хану и хану Эриванскому, возбуждавших личную злобу, о угрозах его, препятствовавших хану и подумать о сдаче города; а равно и об многих сего последнего подававших надежду к занятию Эривана без сопротивления, которые нередко кн. Цицианов, принимая за истину, основывал на оных свои дела; скажу только, что сии то, может быть и были причиною, что кн. Цицианов не сделал никаких приготовлений и запасов к сей экспедиции и, выступя из Грузии, оставил без внимания ознаменовавшиеся уже от части мятежа в оной»²⁵.

Уже 10 июня 1804 г. у с. Малый Караклис отряд генерал-майора С. Тучкова нанес персам поражение и вслед за этим занял Гюмрий-скую крепость. Следующее столкновение, между русскими войсками и собственно силами престолонаследника Аббас-Мирзы произошло 19–20 июня у Эчмиадзина, в результате чего персы вынуждены были отступить к северу от Эриванской крепости²⁶. 30 июня Цицианов, в целях устранения угрозы возможного нападения с тыла и флангов, начал наступление на главный иранский лагерь. Русские войска,

²² Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. С. – Петербург, 1886, Т. IV, С.286.

²³ Там же. С. 302.

²⁴ Богданович М. История царствования императора Александра I и Россия в его время. СПб, 1869, Т. I. С. 301.

²⁵ 1804 г. ноября 30. – Анонимная записка о походе русских войск на Ереван под командованием П.Д. Цицианова.// Присоединение Восточной Армении к России. Сборник документов. Т. I (1801–1813)/ Под ред. Ц.П. Агаяна. Ер., 1972. Док№ 199.

²⁶ Там же. Док. № 194.

используя артиллерию, заставили Аббас-Мирзу отступить за Араке. По показаниям пленных, численность войск престолонаследника составляла 27.000 чел²⁷. Тем не менее, угроза не была снята. Армия Аббас-Мирзы не была окончательно разгромлена, но наоборот, получила в дальнейшем определенную свободу действий, которую она активно использовала в деле срыва осады Ереванской крепости русскими войсками.

2 июля 1804 г. началась осада самой крепости. Переговоры о сдаче ничего не дали. Гарнизон состоял по некоторым данным из 7000 чел., кроме присланных позже еще 800 пехотинцев от Баба-хана²⁸. Следует отметить, что Эриванская крепость по тем временам считалась «крепким орешком». Участник похода, говоря о состоянии крепости отмечал «Крепость Эриванская построена при реке Занге, на самом высоком, крутом и утесистом берегу и с сей стороны имеет весьма слабую стену, а прочие окружены двойною стеною внутренняя из кирпича и камня, складеннаго на глине, весьма толста, довольно высока и имеет 17 башен; вторая, расстоянием от первой от 15-ти до 20-ти сажень из глины и камня, гораздо ниже и тоньше первой стены, идет в параллель. А окружение башен первой стены составляют батареи, пред оною ров довольной широты и глубины, местами с водою. Крепостная артиллерия, по словам некоторых, состояла из 60-и пушек, но в действии не больше примечено было, как 20 или 22, да две или три мортиры»²⁹.

---

²⁷ Там же. Док. № 188.

²⁸ Там же. Док № 199.

²⁹ Там же.

Аббас-мирза

Тем временем, пока Цицианов готовился к решающему штурму, 14 июля войска Аббас-Мирзы соединились с силами Фетх-Али-шаха (Баба-хана). Уже на следующий день персы начали активные боевые действия, напав на отряд Леонтьева, и одновременно, из крепости были сделаны 2 вылазки из крепости против отряда Симоновича. В результате ожесточенного боя, обе стороны понесли существенные потери. Как отмечает очевидец «Более 8-ми часов продолжали персияне свои нападения, наконец отступили.

Россияне в сем деле потеряли убитых офицеров 3, нижних чинов до 120-ти, да раненых офицеров 6, нижних чинов до 200.

Неприятельский урон был несоразмерно более... После сего сражения персияне окружили осаждающих сильными бикетами и никогда их не снимали. Должно было удвоить число постов, а как войска для блокады из того недоставало, то и произошло, что люди бес-

сменно стояли в карауле и болезни начали очевидно умножаться»³⁰. Посланный в ночь на 26 июля для контратаки противника отряд генерал-майора Портнягина в 1000 чел. потерпел неудачу. Потери его составили 50 чел. убитыми и 100 ранеными³¹.

После соединения войск престолонаследника Аббас-Мирзы с войсками шаха, русский отряд, блокировавший крепость, сам оказался в осажденном состоянии, будучи связанным с одной стороны – гарнизоном крепости, и с другой – персидской полевой армией. Не предпринимая крупных боевых операций, персы попытались наглухо закрыть пути подвоза для русского корпуса, а П. Цицианов, со своей стороны, старался этого не допустить. Но, несмотря на все усилия, осаждавшие крепость русские войска вскоре начали ощущать крайний недостаток в провианте, фураже и боеприпасах. Среди них начали распространяться болезни. 30 августа было получено известие об уничтожении на удалении в 12 верстах от Караклиса отряда майора Монрезора, посланного для доставки провианта³². На всем пути от Тифлиса до Эриванской крепости действовали организованные Аббас-Мирзой крупные и мелкие отряды, в задачу которых как раз и входил срыв доставок продовольствия, фуража и боеприпасов русским войскам. Вскоре всякое сообщение Цицианова с тылами (с Грузией) практически прекратилось и иссякли все надежды на доставку всего необходимого. В таких условиях штурмовать крепость не представлялось возможным. Также невозможно было продолжать блокаду крепости.

Учитывая всю сложность обстановки, недостаток в людях, боеприпасах и провианте, увеличение числа раненых и больных, генерал Цицианов 31 августа созвал военный совет, который постановил снять блокаду и начать отступление. На решение об отступлении, повлияла и нестабильная обстановка в тылу, где после начала похода горцами (пша-вами, хевсурами, осетинами) было прервано сообщение Кавказской линии с Грузией³³. Также деятельность царевичей Юл она, Парнаваза и Александра привела к тому, «подстрекаемые персиянами, памбакские и борчалинские татары грабили армия и тем принудили последних оставить свои жилища и подойти ближе к Тифлису под защиту русских войск... По просьбе тех же царевичей, многие соседи Грузии готовились к вторжению в ее пределы. Ханы шекинский и шемахинский, собравши до 6 000 человек войска, подошли к ее границам. Поталибек, сын Ибрагим-хана шушинского (карабахского), напал на елисаветпольских жителей, убивавших в поле хлеб и отгонял скот. Джарские лезгины вторгались в Кахетию и даже проникли почти до самого Тифлиса»³⁴.

Отступление началось в ночь на 3 сентября и осуществлялось в тяжелых условиях, при перестрелках сседающим неприятелем. К началу октября войско добралось до Тифлиса³⁵. Первый Эриванский поход оказался, таким образом, неудачным. Главная цель – взятие Эриванской крепости и, присоединение, таким образом ханства достигнуты не были. Кампания 1804 г. против персов в лице эриванского хана была фактически завершена. Однако, операции отдельных отрядов не прекращались. Так, уже в январе 1805 г. генералу Несветаеву удалось присоединить к русским владениям Шурагельскую провинцию³⁶. После прибытия

³⁰ 1804 г. ноября 30. – Анонимная записка о походе русских войск на Ереван под командованием П.Д. Цицианова// Присоединение Восточной Армении к России. Сборник документов. Т. I (1801–1813)/Под ред. Ц.П. Агаяна. Ер., 1972. Док № 199.

³¹ Там же.

³² 1804 г. августа 31. – Протокол заседания военного совета по вопросу о штурме крепости Ереван русскими войсками// Присоединение Восточной Армении к России.... Док. № 196.

³³ Дубровин К Указ. соч. Т. IV. С. 302.

³⁴ Там же.

³⁵ 1804 г. ноября 30. – Анонимная записка о походе русских войск на Ереван под командованием П.Д. Цицианова// Присоединение Восточной Армении к России... Док № 199.

³⁶ Потто В. Указ. соч. С. 336.

отряда П. Цицианова волнения в Грузии и Осетии были прекращены, а немногим позже – царевичи Юлон и Парнаваз были арестованы. Сообщение с Кавказской линией вновь было восстановлено.

В боевых операциях, на стороне русских войск, как и следовало ожидать, приняли активное участие и целый ряд представителей арцахских армянских меликских домов вместе с вооруженными отрядами, составленными из их подданных. Так, например, во время осады Эриванской крепости в 1804 г. немаловажную помощь русскому корпусу оказывал армянский конный отряд под руководством сына Гюлистанского Мелик-Абова Ростом-бека. Его помощь оказалась в особенности значимой в деле охраны русских обозов, нагруженных военным снаряжением (боеприпасами и т. д.) и двигавшихся через Памбак-Апаран к осаждавшим крепость русским войскам. В дневнике боевых действий русского корпуса от 14 июля 1804 г. сказано следующее «Сегодня из Памбака добрался на место обоз со снарядами. Капитан Степков свидетельствует, что в успехе его отряда главным помощником явился армянский князь Ростом-бек сын мелика Абова»³⁷. После успешной доставки военных транспортов в русский стан, мелик Ростом продолжал выполнять поставленные перед ним задачи. Так продолжалось до тех пор, пока во время выполнения очередного задания, его небольшое подразделение не столкнулось с 8000 отрядом Пир-Кули хана в окрестностях Памбакского села Гурсали. В неравном бою погибла большая часть армянских ополченцев и отряд Монтрезора. Сам мелик Ростом был тяжело ранен и попал в плен. Его в оковах персы увезли в Тавриз, где в 1805 г. обезглавили по приказу наследного принца Аббас-Мирзы³⁸.

В боевых действиях под Эриванской крепостью принимали весьма активное участие и варадинцы, во главе с меликом Джимшидом Мелик-Шахназаряном³⁹. Еще до этого, мелик Джимшид, оказывавший различную помощь российской стороне был награжден серебряной саблей. Так, в письме П. Д. Цицианова от 20 мая 1804 г. мелику Джимшиду сообщалось следующее «Е.И.В. принял во всемилостивейшее уважение ревность вашу и деятельное усердие, оказываемое на пользу отечества, равно как и верноподданническую вашу преданность, высочайше указать мне соизволил объявить в.с. высочайшее свое монаршее благоволение, в знак которого и в память роду вашему и потомству е.и.в. всемилостивейшее жалует вам саблю серебряную, имеющую надпись – за ревность и усердие, надеясь, что только милосердное отличие будет впредь вящим поощрением в подвигах ваших к благу общему и к пользам службы е.и.в.»⁴⁰. В районе ТПамтгадина и Казаха на стороне русских войск активное участие в боевых действиях принял также отряд Григора Манучаряна из 500 армянских ополченцев, неоднократно срывавший попытки прорыва персидских отрядов⁴¹. Осенью 1804 г., после отступления русского отряда, армянские ополченцы, во главе с отцом взятого в плен мелика Ростом – Абовом, вместе с русскими частями отразили натиск персов на Каракилису⁴². Важная помощь русскому командованию представителями армянства оказывалась и позже. Так, находившийся в 1805 г. при отряде полковника Карягина Вани Атабеков сумел вывести его из окружения у Шах-Булаха, и тем самым – спасти от полного истребления. В. Потто прямо пишет, что «этот человек один принес Карягину пользы более, чем принесло бы ему несколько сот всадников... с этой минуты в полном смысле слова [он]

³⁷ *Цит. по* История армянского народа. Ер., Т. V, 1974. С. 127 (на арм. яз.).

³⁸ *Григорян З.* Военное сотрудничество русского и армянского народов в начале XIX века. – Ереван, 1957. С. 78. (на арм. яз.).

³⁹ Там же. С. 75.

⁴⁰ 1804 г. мая 20. – Письмо П. Д. Цицианова Мелику Джимшиду о награждении его серебряной саблей// Присоединение Восточной Армении к России. Сборник документов. Т. I (1801–1813)/ Под ред. Ц.П. Агаяна. – Ереван, 1972. С. 224.

⁴¹ *Ерицян А.* Католикосат всех армян и армяне Кавказа в XIX веке. 4.1, Тифлис, 1894, С. 244–245 (на арм. яз.).

⁴² История армянского народа. Т. V, 1974. С. 128 (на арм. яз.).

становится спасителем отряда»⁴³. Помощь Вани этим не ограничилась. Преследуемый персами и осажденный в Шах-Булахской крепости отряд Карягина не мог держаться долго в условиях отсутствия продовольствия. Начался голод. И, в этих обстоятельствах, отряд вновь был спасен благодаря деятельности Вани. Сам он, говорил об этом следующее «Получив записку Карягина, и тщательно припрятав ее на всякий случай, я решился идти в село Кусапат... где жил мой отец и где, как я знал, можно было найти хлеб, спрятанный армянами в ямах. Я вышел из Шах-Булаха ночью, и... достиг, наконец, своего жилища... Младшего брата своего Акопа. Человека чрезвычайно отважного и смелого, я тотчас послал в Елисаветполь с запискою Карягина, а сам принялся с отцом моим молотить пшеницу и к следующей ночи напек 40 больших хлебов, набрал чесноку и других овощей и к рассвету доставил это в Шах-Булах»⁴⁴. Эти и иные подвиги Вани Атабекова были высоко оценены русским командованием. За свои многочисленные заслуги он получил от российского правительства чин прапорщика, золотую медаль и пенсию в размере 200 рублей в год⁴⁵. В 1814 г. сотник Вани также получил титул мелика и правление над Джрабердским меликством (которым управлял до 1840 г., до введения в крае общих губернских учреждений).

Следует отметить, что в собственно регулярных русских войсках также служило немало армян, некоторые из которых (как, например, В. Мадатов), сыграли немаловажную роль в победах русской армии. В целом же, армянское население, постоянно проживавшее, или нашедшее временное пристанище в русских пределах в Грузии⁴⁶ всегда в массе своей выступало на стороне русских войск. Поэтому не удивительно, что сам император Александр I посчитал необходимым подчеркнуть это обстоятельство в особой грамоте на имя армянского народа, данной им 15 сентября в главной квартире в г. Теплице (Богемия) «С истинным удовольствием усмотрели мы из донесения главнокомандующего нашего в Грузии приятное для сердца нашего новое свидетельство о тех чувствованиях верноподданнической благодарности, коими все сословия армян, в Грузии обитающих, всегда были преисполнены к высокому покровительству и к отеческому нашему о благе их и всего тамошнего народа попечению. Они доказали сии чувства на многократных опытах и непоколебимой верности во всех случаях; они отличались примерным постоянством и преданностью, когда легкомыслие и неблагонамеренность старались все поколебать водворенное нами в Грузии спокойствие и посреди смутных обстоятельств пребыли тверды и непоколебимы в своем усердии к нам и к престолу нашему, жертвуя имуществом своим и всеми средствами и самую жизнь на пользу службы нашей и для блага общего. Таковое усердие всего армянского народа в Грузии и всех сословий, оный составляющих, заслуги их и подвиги налагают на нас приятную обязанность засвидетельствовать пред целым светом справедливую нашу им признательность и благоволение. Да сохранится сие свидетельство в честь и славу их в памяти потомков. Пребываем ко всем им императорскою нашею милостью благо склонны»⁴⁷.

⁴³ Потто В. Первые добровольцы Карабаха в эпоху водворения русского владычества (Мелик-Вани и Акоп-юзбаши Атабековы).. – Тифлис, 1902. С. 15–16.

⁴⁴ «Кавказ». № 62. 1852.

⁴⁵ Потто В. Указ. соч. С. 32–60.

⁴⁶ Среди временно нашедших пристанище в российских пределах были и некоторые арцахские мелики со своими подданными, которые, тем не менее, при малейшей возможности, сохраняя тесные связи с русским командованием, стремились возвратиться всегда назад. Причиной этих кратковременных перемещений были постоянные набеги и войны, вследствие которых людские и материальные возможности меликов были существенно ослаблены. Практически непрерывная оборона, которую начиная с XVIII века вынуждены были вести арцахцы то против дагестанских горцев, то против персов, то против турок, то против самозванных ханов Панаха и его сына Ибрагима, к указанному моменту сильно подорвала их мощь. Конечно, они продолжали оставаться важным фактором в региональном балансе сил, однако возможности их уже были далеко не прежними. Именно потому, не имея возможности вести как и ранее бои против крупных сил противника, и в целях сохранения жизни и имущества своих подданных, они на краткое время перемещались в близлежащие к границам их природных меликств местности, контролировавшиеся русскими войсками.

⁴⁷ Высочайшая грамота Армянскому народу, обитающему в Грузии, от 15-го сентября 1813 года-Теплице. АКАК. Т.

Весной 1805 г. важные события стали разворачиваться в Карабахе. Переговоры о принятии Ибрагим-ханом российского подданства шли и ранее, однако хан, желавший сохранить свое полунезависимое положение, предпочитал лавировать между русскими и персами. В 1805 г., угрожаемый шахом, которому он не доверял, и испуганный решительной наступательной политикой П. Цицианова Ибрагим-хан, наконец, 14 мая 1805 г., на р. Курак-чай (недалеко от Гандзака), подписал договор о вступлении в российское подданство и отказывался от персидского.

Договор состоял из 11 артикулов. Приведем наиболее важные из них:

«1) Ибрагим-хан тушинский и карабахский отказывался навсегда от всякого вассальства и зависимости от Персии или иной державы и признавал над собою одну только власть русского Императора. В первом артикуле говорилось «Я, Ибрагим хан Шушинский и Карабахский, именем моим, наследников и преемников моих торжественно навсегда отрицаюсь от всякого вассальства или, под каким бы то титулом не было, от всякой зависимости от Перси или иной державы, и сим объявляю пред лицем всего света, что я не признаю над собой и преемниками моими иного самодержавия, кроме верховной власти Е.И.В. Всероссийского великого Г И. и Его высоких наследников и преемников престола Всероссийского Императорского, обещая тому престолу верность, яко верноподданный раб оного – в чем и должен дать присягу по обычаю на святом Коране». (1 артикул)

2) Хан обязался не иметь никаких сношений с окрестными владельцами. Полученные от них письма более важные по содержанию отсылать на разрешение главнокомандующего, а менее важные сообщать и советоваться с особою, имеющую пребывать при Ибрагим-хане от лица главнокомандующего в Грузии. «Я, Ибрагим... обещаю без предварительного согласия главноуправляющего Грузией не иметь сношения с окрестными владельцами, а когда от них придут посланцы или присланы будут письма, то большую важность в себе заключающие отсылать к главноуправляющему...». (Артикул 4)

3) Заготовлять провиант для русских войск, назначенных в его владение, по ценам, утвержденным главнокомандующим. Отвести для войск помещения и давать дрова. Дорогу из Елизаветполя в Шушу сделать удобной и проезжей для арб. Артикул 6)

6) В залог верности, дать в аманаты внука от старшего сына, на всегданнее пребывание его в Тифлисе. Платить ежегодно дань в 8 000 червонцев, внося ее в два срока 1-го февраля и 1-го сентября. (Артикул 8) Взамен того ему обещано

1) Сохранение целостности его владения; потомственное, по старшинству колена, владение ханством с утверждения русского императора; сохранение во власти хана суда, расправы и доходов с владения.

2) Отправление в Шушинекую крепость 500 человек русского войска с артиллерией, назначаемого для защиты его владений, (артикулы 3,5)

3) Даровано знамя с русским гербом, для постоянного хранения в доме владетельной особы. Внуку его, назначенному аманатом, определено по десяти рублей на ежедневное содержание (артикул 7)»⁴⁸. Сходный договор был заключен также с Селим-ханом Шекинским в Курак-чае 21 мая 1805 г. (последний был утвержден на ханство еще в 1796 г. графом Зубовым, однако был изгнан оттуда после ухода из Дагестана русских войск). Разница состояла лишь в том, что Шекинский хан обязался выплачивать ежегодную дань в размере не 8, а 7 тыс. червонцев, и вместо старшего сына отдавал в аманаты детей пяти знатнейших беков.

Эти события имели важное военно-политическое значение. Как отмечает Н. Дубровин «С приобретением ханства Шекинского и с занятием его, на основании трактата, 500 чело-

V. С. 945.

⁴⁸ Дубровин Н. Указ. соч. Т. IV, С. 425; Всеподданнейший рапорт кн. Т. Цицианова, от 22 мая 1805 года, № 19/АКАК. Т. II. С. 704–705.

веками войска, джаро-белоканцы стеснялись меду двух русских отрядов одного, расположенного на реке Алазани, и другого, находящегося в шекинском владении. Под данство же карабахского владетеля давало России возможность обеспечить Грузию не только со стороны Персии, но и со стороны Дагестана. Приобретение Карабахского ханства сближало нас и с Бакою, которая, по общему плану, должна была быть занята нашими войсками в непродолжительном времени. С устройством дорог, возможных для прохода купеческих караванов из Грузии, через Елизаветполь, Шушу в Джават, устанавливалась торговая связь с Астраханью, потому что местечко Джават лежало при впадении реки Аракса в Куру, которая с этого места делалась судоходной»⁴⁹. В начале 1805 г. же, в подданство Российской Империи перешла и Шурагельская провинция (с центром в Артике), владелец которой Будаг-султан, по освобождении из персидского плена (25 октября 1805 г.) подтвердил подданство России и заключил с кн. П. Цициановым трактат, аналогичный куракчайским (с той лишь разницей, что размер ежегодной дани составлял всего лишь 2000 руб.)⁵⁰.

Все эти очевидные успехи русских, практически полностью уничтожившие негативное впечатление от неудачи в Эриванском походе не могли не обеспокоить персов. От имени шаха был направлен целый ряд фирманов, призывавших к восстанию против русских, а вслед за этим, в апреле 1805 г. были получены сведения о новой концентрации в Тавризе персидских войск. Между тем, количество русских войск, расквартированных в Грузии, в силу отсутствия подкреплений было невелико. По данным Н. Дубровина, собственно в Грузии под рукой П. Цицианова находилось всего 6 810 чел. пехоты и 1 400 чел. кавалерии. Количество же войск, которые на тот момент Цицианов мог вывести непосредственно для боевых действий в поле было и того меньшим – 1200 чел. с 9 орудиями⁵¹. В преддверии персидского наступления, Цицианов стягивал свои небольшие силы к Елизаветполю и Памбаку, отправив также небольшой отряд под командованием Лисаневича для занятия Шушинской крепости. Для отвлечения шахских войск планировалось также отправить каспийскую флотилию к персидским берегам (в Энзели и Решт).

Между тем, как и ожидало русское командование, персы направили свой основной удар на Карабах, параллельно введя дополнительный контингент в Эриванское ханство. Приближение персов немедленно привело к колебаниям в поведении карабахского и шекинского ханов, которые видя немногочисленность русских отрядов стали вести двусмысленную политику, что, в частности, выразилось в задержке провианта для русских войск. Более того, сын Ибрагим-хана Абул-Фетах-ага действовал против русских в составе иранского войска.

В конце июня 1805 г., силы Аббас-Мирзы окружили небольшой русский отряд у Аскерана. После четырех суток почти непрерывного боя, малочисленный отряд пробился к Шах-Булахской крепости, где и был осажден имевшими огромное превосходство в людской силе персами. Наконец, благодаря Вани Атабекову (о деятельности которого уже было сказано выше), отряд Карягина сумел выйти из окружения и прибыть к Мухратской крепости, где он оказался в относительной безопасности. Цицианов, в силу малочисленности бывших при нем войск не сумел тогда же прийти на помощь Карягину. Наконец, получив некоторое подкрепление, он выступил позже, имея в отряде только 2 731 чел. 16 июля, 1805 г., после непродолжительного боя, отбросив иранцев на р. Тертер Цицианов соединился с отрядом Карягина. Оттуда, отряд Карягина был отправлен к Елизаветполю, а сам Цицианов двинулся на главные персидские силы, которые, несмотря на многократное превосходство, тем не менее отступили за Араке. Между тем, пока Цицианов шел на главную персидскую армию, Аббас-

⁴⁹ Дубровин К. Указ. соч. Т. IV. С. 429.

⁵⁰ АКАК, т. II. С. 577.

⁵¹ Дубровин Н. Указ. соч. Т. IV. С. 439.

Мирза предпринял наступление к Елизаветполю, спеша воспользоваться отсутствием князя. Наличие многочисленной кавалерии позволяло персам быстро маневрировать. Однако, 27 июля 1805 г., при р. Дзетам, русские войска под командованием Карягина, отбив атаки Аббас-Мирзы сами перешли в наступление, и нанесли поражение его войску. 3 августа 1805 г. сам главнокомандующий возвратился в Елизаветполь. На этом, фактически, крупные операции против персидской армии были завершены. Наступление осени и холодов практически всегда знаменовало спад в иранских боевых операциях. «Сезонность» действий персов обуславливалась в немалой степени тем, что большая часть армии, состоявшая из кавалерии, питалась «подножным кормом». После же наступления холодов и уборки полей, как правило, исчезала и продовольственная база. Поэтому, наступления крупных масс персов с приходом холодов, можно было не опасаться.

В 1805 г. было также заложено укрепление в Мегрелии – Редут-Кале. Как отмечает В. Потто «Но стремления Цицианова шли далее обеспечения русских владений со стороны Персии и Турции. Он понимал, что не имея ни одного торгового пункта ни на Каспийском, ни на Черном морях, почти невозможно удержаться в Закавказье, имевшем единственное сообщение с Россией через горы, доступные, притом, не во всякое время года. Между тем, переговоры с Турцией об уступке Поти не привели ни к каким результатам. Тогда, чтобы как-нибудь помочь делу, Цицианов заложил в Мингрелии, при устьях Хони, небольшое укрепление Редут-Кале, и в то же время, пользуясь войной с Персией, задумал занять Баку и утвердиться на Каспийском море. С этой целью отправлена им еще в 1805 году Каспийская флотилия с десантом, под командой генерал-майора Завалишина»⁵².

Однако, десантная операция Каспийской флотилии не оказала того влияния на столкновения между русскими войсками и персами на суше, на которое надеялся П. Цицианов. Основными целями готовившейся операции являлись следующие «1) устроить мнимого персидского шаха Баба-Хана, дабы он выдал в плен попавших в прошедшую кампанию российских военных и захваченных грузинских князей, дворян и мещан... дабы за убытки, понесенные от кампании, отдал миллион рублей и, наконец, выдал бы 12 орудий, взятых в Тифлисе Ага-Магомед-ханом у царя Ираклия; 2) занять город Баку с гарнизоном»⁵³. В десанте было задействовано 6 рот, в составе 1345 чел⁵⁴. Флотилия отплыла 10 июня. 23 июня русскими был занят Энзелийский порт, но попытки захватить Решт окончились неудачей.

12 августа 1805 г. русская эскадра появилась у Баку, где бакинскому Хусейн-Кули хану было предложено сдаться. Получив отказ, 15 августа генерал-майором Завалишин отдал приказ начать бомбардировку крепости. Однако, в силу отсутствия тяжелых орудий артобстрел результатов не дал. Между тем, положение немногочисленного русского отряда было довольно сложным. К Хусейн-Кули хану на помощь пришел Шейх-Али хан, 5 сентября вступивший в Баку. Вследствие этого, Завалишин отступил. Однако, Цицианов приказал вернуться и поджидать его прихода у Баку. Выражая свое крайнее недовольство нерешительностью Завалишина, Цицианов в своем письме к нему от 24 сентября 1805 г. указывал на упущения «Наконец, после 4-месячного молчания вашего о действиях ваших, получил я первейший от в. пр. рапорт, на который не могу дать вам никакого разрешения ибо время уже потеряно. Баку, коей занятие по плану операции вам данному должна была главнейшей быть вашей целью, не взята, а отступить от нее дело постыдное для России... За сим скажу в. пр., что если бы я не ходил по горнице на клюках от изнурившей меня болезни, и если бы 400 верст меня не разделяли с вами, хотя сия и не велика остановка, а самая важная та, что я, не имея от вас курьера, и не могу знать последней вашей резолюции об отступлении,

⁵² Потто В. Указ. соч. С. 339.

⁵³ РГВИА, ф. ВУА, д. № 4262. л. 3.

⁵⁴ Там же. л. 5.

то я бы полетел на выручку славы Российской и скорей бы лег под стенами, нежели дал бы Хусейн-Кули-хану кичиться тем, что он отбил российские войска, и что они ему ничего не сделали»⁵⁵.

Между тем, усложнявшаяся обстановка на европейском театре не позволяла И. Цицианову надеяться на получение подкреплений. Из Петербурга рекомендовали перейти к обороне, на время ограничиться приобретенным, заняться устройством внутренних дел и сделать попытку примирения с Ираном. Князь Чарторыйский, в своем письме от 8 сентября 1805 г. Цицианову советовал следующее «Сохранение завоеваний, вами приобретенных, устройство дорог, привлечение ханов персидских к российскому начальству и обеспечение пределов Грузии могут быть достаточными занятиями на сей раз, для неутомимой вашей деятельности...»⁵⁶. Еще ранее, в своем ином письме (от 15 ноября 1804 г.) Чарторыйский отмечал, что в случае «искательства» персидского шаха к миру, следует очертить предмет переговоров течением Куры и Аракса⁵⁷.

Отвечая Чарторыйскому в письме от 19 октября 1805 г., Цицианов отмечал, что при нынешнем состоянии вещей персы вряд ли будут восприимчивы к мирным призывам. Наоборот, они еще достаточно сильны, чтобы попытаться возратить утраченное. Единственный же способ обезопасить оказавшиеся в подданстве России территории – это продолжать наступательную политику до тех пор, пока российская власть не будет простираться до Аракса и Куры. Для достижения этой цели Цицианов намеревался покорить Баку, Ширван, а зимой – взять Эриванскую крепость⁵⁸. Лучше знакомый с местными реалиями, П. Цицианов в определенном смысле был прав. Первая половина компании 1805 г. показала, что персы имея многочисленную кавалерию способны на быстрые маневры, которые могут быть чреваты неожиданными прорывами. Цицианов полагал, что возможные предложения об установлении мира на нынешнем этапе будут однозначно истолкованы в Тегеране как признак слабости, а потому, это еще более отдалит, а не приблизит окончание боевых действий. Поэтому, несмотря на ограниченные возможности и испытываемое изнурительное недомогание, он решил продолжать наступательную политику. Неудачные операции отряда Завалишина привели князя к мысли о необходимости личного участия в операции по покорению Бакинского ханства.

Выступив из Елизаветполя 23 ноября 1805 г. Цицианов пошел на Баку через Ширванское ханство, с владельцем которого Мустафой-ханом переговоры по поводу подданства велись еще ранее. Хан выражал тогда согласие на принятие русского подданства, однако хотел при помощи русских установить свой контроль над Шекинским, Муганским, Рудбарским, Сальянским и Бакинским владельцами. Цицианов не хотел отдавать ему приоритета перед остальными ханами, а потому, переговоры тогда завершились безрезультатно. В 1805 г. Мустафа-хан отказался от своих домогательств. В результате, 25 декабря 1805 г., в соответствии с заключенным трактатом, Ширванское ханство перешло в подданство

России. Условия были практически аналогичны прежним, Куракчайским трактатам, с добавлением пунктов об обязанности отвечать за безопасность купеческих караванов, давать рабочих для возведения укреплений при устье р. Куры, уступить Ибрагим-хану Джават и др⁵⁹.

2 февраля 1806 г. отряд Цицианова соединившись с частями Завалишина уже находился под Баку. П. Цицианов потребовал от Бакинского хана принять русское подданство.

---

⁵⁵ АКАК. Т. II. С. 737.

⁵⁶ Дубровин Н. Указ. соч. Т. IV. С. 476.

⁵⁷ ^ш АКАК. Т. II. С. 815.

⁵⁸ Дубровин Н. Указ. соч. Т. IV. С. 477.

⁵⁹ АКАК. Т. II. С. 674–677.

Согласно условиям Цицианова, ханство должно было быть присоединено к России, все доходы его направлялись бы в казну, а самому хану определялось годовое содержание в 10 тысяч рублей⁶⁰. Хан по виду соглашался на сдачу, но вместе с тем, пытался затянуть переговоры. Когда это не удалось, то 8 февраля 1806 г. было осуществлено убийство Цицианова при личной встрече с ханом.

Н. Дубровин, описывает это происшествие следующим образом «В сопровождении нескольких человек своей свиты хан выехал из крепости, встретился с князем Цициановым как старый знакомый и передал ему ключи города. После взаимных объятий Хуссейн-Кулихан предложил главнокомандующему сесть на *намедь* или войлок. Перед ними стояли два персиянина, а позади Ибраим-бек, приближенный хана. В знак почета, по азиатскому обычаю, Хуссейн передал князю Цицианову кальян, и когда тот взял в рот *ней-пичь* (конец кальяна), то, по заранее сделанному словию, Ибраим-бек выстрелил ему в затылок, а вслед за тем, другим выстрелом был убит и князь Эрстов, сопровождавший главнокомандующего. Отрезавши голову князю Цицианову, Ибраим-бек ускакал в город, а оттуда отправился к Аббас-Мирзе в Тавриз, за что и получил от наследника персидского престола звание хана. В день приезда Ибраим-бека Тавриз был иллюминирован. Вслед за убийством князя Цицианова с крепостных стен был открыт огонь по нашему отряду, стоявшему у колодца. Войска отступили не успевши выручить тело своего главнокомандующего. Оно было зарыто у ворот крепости, где долгое время виднелась могила грозного *инспектора*. Впоследствии армяне скрыли тело в засмоленном гробе, и оно оставалось до 1808 года непогребенным в церкви Аствадцъзадзна. Только через шесть лет после смерти князя Павла Дмитриевича, главнокомандующий на Кавказе маркиз Паулуччи перенес тело его в Тифлис и положил в Сионском соборе...»⁶¹.

С несущественными отличиями, обстоятельства гибели Цицианова описываются и С. Броневским. Так он отмечает «В 9 часов утра главнокомандующий выехал на назначенный пункт к колодезю; пеший гребенский казак шел сзади для принятия лошадей. Ворота города были заперты, а по стенам стояло войско. Хан не показывался. Князь приказал Эрстову съездить и напомнить хану, что ему, князю, как действующему от имени императора, неприлично долее ожидать. Но в этот момент из крепости выехали Гусейн-бек и городской старейшина или комендант, калабег с ключами города и хлебом-солью, объявляя, что хан опасается... русских войск и сам быть не может. Главнокомандующий отвечал, что если хан сомневается... то пусть выезжает с 1000 своих воинов, а он будет один с князем Эрстовым, своим переводчиком. Князь Цицианов, кроме того, заметил, что вернется опять к хану не иначе, как с лестницами; при этом он возвратил ключи и хлеб-соль, прибавив, что примет их только из рук самого хана. В это время отворилась калитка и вышел хан, сопровождаемый двумя гайдуками, вооруженными с ног до головы. Эрстов напомнил хану, что вооруженными гайдуками нарушается условие сдачи города; хан же на это ответил «.. Вы и князь знаете азиатские обычаи, что телохранители никогда не оставляют того. Кому служат и явиться без оружия им все равно что потерять честь. Поезжайте и успокойте князя, а я безоружный сам пойду к нему навстречу...». Хан приблизился и главнокомандующий сошел с лошади. Внимание войск было напряжено. Воцарилась мертвая тишина... Хан подал на блюдце ключи города и дружественно облобызался с князем... но лишь князь освободился от объятий, как два всадника, подъехавшие в это время из города, разом в упор выстрелили в князя и мгновенно обезглавили его кинжалами, успев даже ограбить все бриллианты и отрезать палец вместе с перстнем... Толпа конницы с криком выскочила из города и, окружив

⁶⁰ АКАК. Т. II. С. 738.

⁶¹ Дубровин Н. Указ. соч. Т. IV. С. 489–490. Под «Аствадцъзадзна» следует понимать церковь Аствацацин – Богородицы (прим, авт.)

хана и убитого, бросилась в крепостные ворота. Князь Эриванский преследовал хана, осыпав его укоризнами за неслыханное злодейство. Хан и его велел пристрелить... Отряд с форштадта отступил в лагерь...»⁶².

Гибель такого решительного и энергичного предводителя как П. Цицианов, явилась большим ударом в первую очередь для расположенного под стенами Баку русского отряда. Как отмечает Н. Дубровин «Происшествие под Баку, так печально окончившееся изменническим убийством князя Цицианова, поставило отряд, блокировавший эту крепость, в самое невыгодное положение... С тех самых стен, на которых должен был развеяться русский флаг, открыт был по нашим войскам сильный огонь, заставивший их отступить и расположиться неподалеку от города. Генерал-майор Завалишин, как старший, принял начальство; положение его, как начальника, было далеко незавидное. Простояв более месяца под крепостью и продовольствуясь половинною дачею, отряд был без лошадей, переполнен больными, стоял в снегу, без хлеба, без дров, без одежды и амуниции. По неимению достаточного количества лазаретных вещей, больные лежали на земле под покрывком одних шинелей, в большинстве изодранных; у многих солдат не было белья. Жестокие вьюги, начавшиеся с 4-го февраля и продолжавшиеся попеременно то с дождем, то со снегом и морозами, развили болезни; много было обмороженных. В отряде было здоровых не более тысячи человек, из которых только треть в состоянии была владеть оружием; остальные были до такой степени слабы, что не могли быть употреблены в службу. Вода, годная для приготовления пищи, была под выстрелами крепости, так что войска принуждены были добывать ее из снега и в таком виде употреблять в пищу и питье... Постоянный холод и метели все более и более изнуляли солдат, утомленных походом из Грузии, походом, при котором они должны были везти на себе большую часть тяжестей. Теперь все чины отряда были поставлены еще в худшее положение и принуждены драться за каждое полено, посылать отдельные отряды в соседние селения за дровами и нефтью»⁶³. В результате, отряд отступил на Кизляр, где и был распущен⁶⁴.

Гораздо более серьезными могли оказаться последствия гибели Цицианова в политическом смысле. Как отмечает М. Игамбердыев «После убийства ген. Цицианова все ханы по традиции считали себя свободными от взятых обязательств. Россия теперь не могла с таким успехом продолжать начатое наступление. Внешнеполитическая обстановка начала осложняться. Баба-хан, по указке английских офицеров, укреплял свои северные границы и в связи с этим придавал важное значение Бакинскому, Эриванскому, Талышинскому и Нахичеванскому ханствам»⁶⁵. В этих условиях нельзя было надеяться на большую лояльность владельцев сравнительно недавно вошедших в подданство России территорий. Н. Дубровин, также обращаясь к состоянию умов значительной части мусульманских владетелей, вскоре после гибели Цицианова замечает, что «Все покорившиеся нам ханы больших и малых владений, собственно говоря, не признавали над собою власти русского правительства и не понимали этого слова. Они покорились русскому *инспектору* князю Цицианову, как называли они князя Павла Дмитриевича. Перед ним они ползали, унижались, льстили и его одного боялись. Неизменное слово его было для всех законом, и сам князь Цицианов в глазах тех же ханов был именно то, что они называли Россией.

Такой узкий взгляд был причиною изменнического поступка бакинского хана, человека, по тамошнему, умного и близко знакомого князю Цицианову. Если бы Хуссейн-хан сознавал, что со смертью *инспектора* он не избавится от покорности России и что явится

⁶² Бронеевский С. Записки// Исторический вестник. № 8, 1889, С. 507–508.

⁶³ Дубровин К Указ. соч. Т. V. 1887, С. 1–2.

⁶⁴ Там же. С. 3.

⁶⁵ Игамбердыев М. Указ. соч. С. 69.

другой точно такой же главнокомандующий, то, конечно, не решился бы на столь коварный поступок. Хуссейн посягнул на жизнь князя Цицианова в полном убеждении, что с его смертью прекратится и всякая зависимость хана от России. Точно таких же убеждений были все прочие ханы, и вот причина, почему происшествие под Баку с быстротою молнии разнеслось по всему Закавказью и во многих местах было ознаменовано торжественным празднеством»⁶⁶.

Убийство Цицианова привело к активизации также ахалцихского паши, покровительствовавшего лезгинским набегам. Концентрация вооруженных групп и большие приготовления были замечены и на персидских границах. Воодушевленный гибелью Цицианова эриванский хан готовился вернуть себе утраченный в конце 1804 г. Шурагель. Уже в апреле его отряды выступили к Шурагелю. Имеретинский царь Соломон также отказался доставлять провиант и требовал вывода русского отряда из Кутаиси. Начались волнения среди хевсуров. Пользуясь поддержкой Сурхай-хана Казикумухского активизировали свою деятельность джаро-белоканские лезгины. На верность ханов (таких, как, например, Селимхан Шекинский или Ибрагим-хан II Тут и некий), также ни в коей мере рассчитывать было нельзя.

На эффективность действий русских войск негативно могла сказать и обстановка отсутствия фактического единоначалия, сложившаяся вскоре после смерти Цицианова. При этих условиях, вопрос удержания громадной территории, которая «начиная от берегов Черного моря и до Баку, имело около 700 верст длины, а от Дарьяла до Карабагских пределов до 350 верст поперечника»⁶⁷, представлялся крайне трудным. Все это требовало принятия неотложных мер.

---

⁶⁶ Дубровин Н. Указ. соч. Т. V. С. 5.

⁶⁷ Там же. С. 16.

Глава II

Русско-персидская война при главнокомандовании Гудовича, Паулуччи и Торماسова

2 июня 1806 г. Высочайшим указом граф Иван Васильевич Гудович был назначен главнокомандующим на Кавказской линии и в Грузии⁶⁸. Характеризуя его В. Потто отмечал «Новым главнокомандующим на место князя Цицианова назначен был граф Иван Васильевич Гудович, заслуженный ветеран, хорошо известный Кавказской линии, которой он уже командовал два раза – в царствование Екатерины и Павла. Но преклонные годы и время, проведенное в бездействии, в стороне от военного дела, невыгодно отразились на деятельности и характере нового главнокомандующего. Сохранив свою прежнюю энергию, он, по словам современников, стал вместе с тем раздражителен, капризен, а память об одержанных им некогда победах развила в нем тщеславие и самонадеянность. В закавказской деятельности своего предместника, князя Цицианова, он видел только одни теньевые стороны и намеревался продолжать не только его дела, но и исправить в них все на его взгляд ошибочное и неполное. Вообще, уезжая на свой пост, он обещал государю гораздо более, чем в состоянии был исполнить. Но уже в Георгиевске его постигло первое разочарование. Он нашел Кавказ далеко не в том состоянии, в каком оставил его в конце прошедшего столетия, когда русское владычество здесь ограничивалось одной Кавказской линией. К тому же в крае свирепствовала чума, уносящая тысячи жертв, а средств для борьбы со страшным врагом не было, так как большая часть войск находилась тогда под Дербентом с генералом Глазенапом. Из Грузии доходили также далеко не отрадные известия. Все Закавказье, которое умела удержать в повиновении твердая рука Цицианова, готово было восстать. Имеретинский царь Соломон бунтовал открыто, волновались осетины, ахалцихский паша покровительствовал опять начавшимся набегам лезгин на Грузию, а Персия собирала значительные силы, думая воспользоваться благоприятным временем для возвращения Ганжи, Карабага и других провинций. Ко всему этому, закубанские народы и кабардинцы, пользуясь отсутствием войск на Линии, производили дерзкие набеги, простиравшиеся даже за Ставрополь. Напрасно Гудович, думавший, что имя его, со времен анапского штурма, еще памятно горцам и служит по-прежнему грозой Кавказа, писал прокламации и собирал к себе депутатов. «Будучи старшим генералом русской армии, – сказал он, – я недаром прислан сюда водворить между вами порядок». Депутаты, по стародавнему обыкновению, брошенному Цициановым, получая подарки, обещали жить мирно и спокойно, а возвращаясь домой, принимались опять за прежние разбойничьи набеги»⁶⁹.

---

⁶⁸ Там же. С. 16.

⁶⁹ ^m Потто В. Указ. соч. С. 402–403.

Гудович И.В.

Кроме восстановления после гибели П. Цицианова единоначалия посредством назначения на его место И. Гудовича, были предприняты и иные меры. Так, на укомплектование полков в Грузии стали направляться нижние чины из гарнизонов кавказской инспекции и из гарнизонных батальонов Саратовского и Симбирского. Учитывая вспыхнувшие в 1806 г. боевые столкновения между турками и персами, предполагалось также следующее «Имея в виду религиозную вражду, существовавшую между персиянами и турками, наше правительство надеялось, при успешном ходе переговоров, убедить тегеранский двор действовать с ним заодно против турок, если бы последние открыли неприязненные действия против России»⁷⁰. Просчитывая возможные сценарии развития ситуации на европейском театре, Санкт-Петербург стремился минимизировать риски и на Востоке. И потому, как уже было показано ранее, еще князю Цицианову предлагалось привести к скорейшему окончанию внутренние дела края и если представится возможность, то заключить мир с персами и даже постараться привлечь их на свою сторону, для действий против начавших под влиянием французской дипломатии активизироваться турок. Министерство иностранных дел по преж-

⁷⁰ Дубровин Н. Указ. соч. С. 16.

нему полагало, что установление мира или перемирия с Ираном – дело вполне возможное. Однако, «Скорое осуществление подобного желания было не в силах главнокомандующего. По тогдашнему положению края, несвязанного прочно с Россией, по состоянию политических дел и боевых средств, нельзя было не видеть, что Баба-хан не согласится на заключение выгодных для нас условий мира до тех пор, пока вновь не испытает сильного поражения, нанесенному ему нашими войсками. Напротив, по всем получаемым сведениям известно было, что властитель Персии собирает значительные войска, с намерением вторгнуться в наши границы, защищенные небольшими отрядами русских войск. Протянув свои войска от Баку вдоль по Куре и Араксу до Эриванской области, Баба-хан намерен был сам с несколькими отрядами вступить в Елисаветпольский округ, Карабахское и Нухинское (Шекинское) ханства, а сына своего Аббас-мирзу, вместе с царевичем Александром, отправил в Памбаки и Шурагель. Призванные к оружию лезгины должны были в то же время атаковать русские войска, расположенные вдоль реки Алазани»⁷¹.

Появление персидских войск на границах Карабаха привело к неприкрытой измене Ибрагим-хана и Селим-хана Шекинского. Об измене Ибрагим-хана сообщал еще мелик Джимшид⁷². О поведении хана Лисаневич черпал информацию из многих источников и, в том числе от самих родственников хана. Но даже попытка уговорить хана посредством его собственного сына Мехти-Кули-аги, и внука – Джафар-Кули-бека – ничего не дала. В результате, при попытке установить связь с персами, хан был убит в перестрелке с отрядом Лисаневича⁷³. Об этом инциденте А. Бакиханов пишет следующее «Ибрагим-хан карабахский, начавший уже дружеские сношения с персиянами, просил помощи у них к свержению с себя власти русской. Сын его Абдль-Фет-хан с войском со стороны Капана пришел под Шушу Аббас Мирза переправился через Худаперинский мост (на Араксе) Майор Лисаневич, начальник русского войска в Шуше в полночь 2 июня 1221 (1806) г. выступил против Ибрагим-хана...»⁷⁴. Казалось бы, все было предельно ясно, однако, некоторые азербайджанские авторы, нередко совершенно опуская момент измены (а то, что это была измена, прямое нарушение обязательств трактата – сомневаться не приходится), на первый план выдвигают малозначащие детали, ряд из которых является не иначе, как плодом их собственного воображения. Так, например, З. Али-Заде «живописуя» нравы русской армии пишет «Зная нравы и поведение офицеров не только русской, но и любой из колонизирующих новые территории имперских армий (английской, французской, немецкой, оттоманской или американской, какая разница?), можно легко понять недовольство наивного хана, поверившего договору и своему пышному воинскому званию, но столкнувшегося с хозяйским поведением майора, для которого что хан, что нехан, все туземцы одинаково были подневольные басурмане. Не имея военной силы против 500 солдат майора, но, чтобы и дальше не позориться перед подданными, Ибрагим хан выходит за крепостную стену и разбивает шатер в отдалении для своей семьи и челяди (кроме Шуши, там в округе никакого «крепостца» нет, я хорошо знаю местность, если бы был «крепостец», способный приютить хана, его семью и немалочисленную челядь, то руины хотя бы остались). Сие наглое поведение генерал-лейтенанта вызывает негодование майора Лисаневича, который требует от него немедленно прекратить неподчинение и вернуться в крепость. Генерал-лейтенант Ибрагим хан еще не знает всех тонкостей такого понятия, как честь и доброе имя русской армии, и не подчиняется майору. Тогда майор берет с собой сотню солдат, и напав на лагерь генерал-лейтенанта русской армии Ибрагим хана Джеваншира, убивает его самого и полностью уничтожает всю его

⁷¹ Там же. С. 11.

⁷² АКАК, т. III. С. 333.

⁷³ Там же.

⁷⁴ *Абас-Кули-Ага Бакиханов. Гюлистан-ирам.* – Баку. 1926. С. 155.

семью, включая малолетних детей (последних, надо полагать, в целях защиты чести и доброго имени). Ничего нового и необычного в этой истории нет и быть не может. Она типичная – колонизаторы и новая власть всегда физически уничтожали опасных, непокорных и ненадежных прежних правителей»⁷⁵.

Характеристика Ибрагим-хана, данная З. Али-Заде уж никак не вяжется с истинным обликом этого властителя. Такое ощущение, что не этот «наивный», «простоватый» и даже, наверное, где-то в самой глубине души «очень добрый» властитель вел жесткую и жестокую политику, а его родитель Панах-хан – долгие и кровавые войны как с армянскими меликами, так и окрестными владетелями. Коварство, хитрость, жестокость нелегитимных карабахских ханов были фактами известными. Другой автор – Эльдар Амиров тоже сетуя по поводу поведения Лисаневича и силясь снять с хана обвинения в измене, концентрируется не на конечных итогах следствия, самом рапорте Лисаневича и поведении хана, а на тех первичных и смутных донесениях, которые начало получать после происшедшего под Шуши русское командование. Это опять являлось попыткой вырвать из контекста факты. Более того, он приходит к весьма знаменательному «выводу» о том, что «Не исключено, что сам Лисаневич также был не прочь стать единоличным правителем богатого Карабаха, поэтому он при первой же попытке с такой жестокостью избавился от авторитетного хана»⁷⁶. Однако... Оказывается, Лисаневич лелеял планы самому стать ханом. Но почему то так им и не стал. Даже после устранения «авторитетного» конкурента. Также как и позже единоличными правителями Карабахского ханства не стали граф Гудович, Тормасов, Паулуччи, Ртищев и иные...

Между тем, сам Лисаневич в своем рапорте рапорте на имя генерал-майора Несветаева от 4 сентября 1806 г. докладывал, что он предпринимал попытки отговорить хана от предполагавшейся измены. Так он писал «Как по сим случаям измена оказалась явною, то я послал для уговора одного сына его Мехти-агу и внука Джафар-Кули-бека, с тем чтобы он, разруша все с Персиянами связи, возвратился бы со всем семейством в крепость, которые, пробыв там большую часть дня, сначала возвратившийся Джафар-Кули-бек объявил мне, что он хотя несколько раз уговаривал хана отстать от Персиян, но кроме брани Русских он ничего от него не слышал и сверх того хан его убедительнейше просил, чтобы он постарался позвать в дом меня к себе и, поймавши там, отдать ему и также выкрасть брата своего Шукур-Уллаха, находящегося в аманатах в Елисаветполе, отчего-де я ему отказался; сверх сего объявил, что [в] нынешнюю ночь или хан уйдет к Персиянам или Персияне с ним соединятся, после чего прибывший Мехти-ага также объявил, что он сколько ни старался уговаривать хана, но хан ни на что не соглашается и явно уже принял сторону Персиян»⁷⁷.

Подчеркнем еще раз дело разворачивалось в условиях персидского наступления на Карабах. В итоге, Лисаневич, исчерпав мирные средства, был вынужден предпринять шаги, нацеленные на арест хана «И так, не имевши уже никакой надежды привести хана в раскаяние, решился [я] в ночное время атаковать его и, ежели можно, захватить живого и, назнача для сего 100 чел. егерей при пристойном числе офицеров, пошел сам с ними для произведения в действие; в крепости же приказал умножить по воротам и проломам караул, а остальным людям собраться к артиллерии; идущим для атаки офицерам и людям приказал, дабы отнюдь не стреляли прежде неприятеля и по приближении знающим язык кричали бы, чтоб они, не стреляя, сдались бы с ханом. Я пошел атаковать совсем другою дорогою и не той, которая прямо идет из крепости к ним и где у них были караулы, и не прежде они нас открыли, как подойдя менее ружейного выстрела, и тут они, сделавши крик, пустили по нас сильную

---

⁷⁵ Зардушт Али-Заде. «На оба дома, армянский и азербайджанский, чума конфликта пришла не без помощи имперского центра. 1ЖБ <http://www.regnum.ru/news/1431721.html>.

⁷⁶ Амиров Э. URL <http://lnews.az/analytics/20110803100354294.html>.

⁷⁷ АКАК. Т. III. С. 333–334.

стрельбу. Я сколько ни кричал им, также и другие, уговаривая их не стрелять и сдаться, но они все упорно продолжали стрелять и ранили егеря, который чрез несколько дней и помер. За дерзость сию я приказал егерям выстрелить и броситься на них; егери с храбростию сие выполнили и в миг изменники были сбиты с крепкого их места, а хан с несколькими чело-веками остался убит пулею на месте, прочих преследовали егеря по кустам и оврагам; сын его, дочь и жена, умершие от раны, не иначе могли быть ранены, как смешаясь при побеге с прочими в толпу, в кустах, от темноты ночной не были узнаны; вещи изменников, оставши-еся в их палатках, яко добычу чрез оружие взятую и коей немного и было, отдал я в пользу солдат, но лучшие их вещи были унесены при начале дела их служителями, из коих Мехти-ага многое после отыскал»⁷⁸. Как видим, отдавать преднамеренный приказ о ликвидации хана он не хотел, да и не мог, рискуя навлечь на себя неудовольствие начальства (которое кстати, недооценивая опасность ситуации и склонно было вначале, основываясь на неверной информации, само подозревать Лисаневича в слишком большой самодеятельности). Но сам хан с окружением вовсе не намерен был завершить дело миром (несмотря на неоднократные предупреждения), и сам же спровоцировал кровопролитие, в результате которого был убит.

Как потом выяснилось, Лисаневич с арестом спешил не напрасно, так как непосредственно в ханском лагере он получил сообщение от муганлинского бека о том, что к месту движется двухтысячный отряд иранских войск во главе с сыном хана – Абуль-Фетхом. Узнав о гибели хана персы отступили. Не имея провианта (поставку которого, кстати говоря, еще до окончательной развязки саботировал Ибрагим-хан, нарушив тем самым еще одно из положений трактата), располагая крайне незначительными силами, для организации эффективной обороны, и видя крайне подозрительное и негативное отношения хана с его окружением, Лисаневич не мог надеяться на возможность организации эффективной обороны вверенного ему пункта. Между тем, соединение персов с ханом неминуемо бы привело к немедленному увеличению противников русских. Пребывавшие в состоянии глухой враждебности и в некоторых колебаниях сторонники персов, при нерешительности русского командования, взяли бы верх над своими противниками, и перейдя от колебаний к решительным действиям создали бы чрезвычайно неблагоприятную обстановку, которая не замедлила бы сказать и на общем ухудшении военно-политической ситуации. А потому, он сделал в сложившейся ситуации единственно верный шаг – пошел на попытку ареста хана с целью его нейтрализации.

Лисаневич, в том же рапорте отмечал «Сверх сего долгом поставляю упомянуть, что ежели б Ибрагим-хан [в] ту ночь яко изменник не получил бы должного возмездия, то на другой бы день Шушинская крепость должна быть в осаде от Персиян и изменников Карабагских; Аббас-мирза, переправившийся уже Араке, мог бы прийти также оттудова в 2 марша; в гарнизоне Шуши иском провианту совсем не было, да и у служителей. На верность Ибрагим-хана сына Мехти-аги с его Татарами полагаться никак нельзя было, коих число гораздо превосходнее в крепости, нежели Армян»⁷⁹. Здесь отметим, что после обстоятельного следствия Лисаневич был оправдан. Таким образом, версия о преднамеренном характере убийства «невинного» хана, усиленно сейчас тиражируемая рядом авторов, не имеет под собой реальной основы.

В. Каширин, обстоятельно изучив происшедшее, пришел к следующим выводам «Но меньше всего Лисаневич мог хотеть смерти Ибрагим-хана. Оптимальным вариантом с его точки зрения было бы принудительное возвращение хана в Шушу, где его можно было использовать как заложника, не вызывая, в то же время, огромных политических затруднений для России в Закавказье и карьерных рисков лично для себя. И то, и другое было бы

⁷⁸ АКАК. Т. III. С. 335.

⁷⁹ Там же.

неизбежно в случае смерти хана, что и произошло на самом деле... Сторонники версии безвинной смерти Ибрагим-хана утверждают, что, будь он действительным изменником России, он бы не оставался вблизи П Туш и некой крепости с русским гарнизоном. Однако на это есть что возразить. Ибрагим-хан был законным правителем ханства, российским подданным и генералом, и весь прежний опыт не давал ему оснований опасаться решительных силовых действий Лисаневича. Все предыдущие дни русский офицер безрезультатно занимался уговорами Ибрагим-хана. Персидские войска были уже на подходе (как мы помним, они были под Шушой уже на следующее утро, то есть несколько часов спустя после смерти хана). «Нынешнюю ночь или хан уйдет к Персиянам или Персияне с ним соединятся», – так, по уже цитированному рапорту, передавали планы хана его сын и внук. Правитель Карабаха почти дождался персов, и он вполне мог рассчитывать, что и остававшиеся до их прибытия часы пройдут вполне благополучно для него. Вылазка Лисаневича и его сотни егерей стала полной неожиданностью для хана. Почти наверняка, русские солдаты встретили вооруженное сопротивление. Мы не знаем, было ли оно оказано по приказу Ибрагим-хана или вспыхнуло произвольно. Также у нас нет достоверных данных о численности и вооружении ханской свиты. По всей видимости, не было и речи о штурме русскими егерями «крепости» или «замка», но не приходится верить и словам о трех десятках беззащитных слуг и служаков в палатках посреди загородного сада. Думается, правда находится где-то посередине, но подробнее воссоздать ее может лишь воображение, так как имеющегося у нас материала источников для этого определенно недостаточно. Как мы уже пытались показать, Лисаневич был не заинтересован в смерти хана, однако ситуация вышла из-под контроля русского военачальника. Если, что весьма вероятно, по его егерям был открыт ружейный огонь, он мог и должен был приказать крайние меры, чтобы избежать худшего – бегства и соединения Ибрагим-хана с персидским авангардом его сына. Последовала кровавая схватка в ночной темноте, в которой ничто не могло обеспечить безопасность членов семьи правителя Карабаха... Следствие по делу об убийстве Ибрагим-хана продолжалось до июля 1807 года, и в итоге была выяснена невиновность Лисаневича. Сам главнокомандующий во всеподданнейшем представлении, «убеждаясь истиною», просил императора о сложении с Лисаневича всякой ответственности [Бобровский. С. 246]. Бывший начальник гарнизона Шуши блистательно продолжил свою службу на Кавказе...»⁸⁰. Что касается Селим-хана Шекинского, то он также изменил, заманив командира расквартированного русского отряда майора в свой лагерь с целью заставить его покинуть подконтрольную ему территорию⁸¹.

В развернувшихся в начале лета 1806 г. крупных боевых столкновениях, малочисленные русские отряды вновь нанесли ряд поражений персам. Так, 8 июня русские войска, под руководством Котляревского и Карягина заставили противника отступать. 13 июня произошло еще более крупное сражение. На рассвете армия Аббас-Мирзы в 20 тыс. человек атаковала в Ханашинском ущелье отряд Небольсина. После упорного боя, продолжавшегося 5 часов, русские нанесли контрудар и отразили атаку противника. Потерпевшие поражение персы отступили за Араке, оставив на поле бое свыше 1000 убитых и раненых и 2 фальконета. В одном из сообщений того времени говорилось «Получил от Троицкого мушкетерского п. шефа ген.-м. Небольсина подробную реляцию о всех происшествиях, сопровождавших двукратные победы, одержанные непобедимым Е.И.В. оружием над персидскими войсками, бывшими под предводительством Аббас-Мирзы Баба-ханова сына и других знатных персидских сардарей. Имею честь почтеннейшее представить оную в оригинале на благоусмотрение в. пр. вместе с 4 ведомостями об отличившихся в сражениях 8 и 13 чисел про-

⁸⁰ *Василий Каширин*. Как и за что был убит правитель Карабахского ханства Ибрагим Халил-хан Джебваншир? URL <http://www.regnum.ru/news/1430742.html>.

⁸¹ *Дубровин К* Указ. соч. Т. V, С. 56–61.

шлого июня месяца 1-го штаб и обер-офицерам, 2 нижним чинам, 3 медицинским чинам и 4 тушинским чиновникам и армянам. Две сии знаменитые победы, решившие судьбу Карабагской провинции и от коих так же зависела участь и самой даже Грузии, приобретенные над многочисленнейшим неприятелем... заслуживают высочайшего Е. И. В. внимания»⁸². Удача сопутствовала немногочисленным русским войскам и позже. 20-го июня отряд Лисаневича рассеял еще один персидский отряд.

В русском стане готовились ко вторичному походу на Баку. 21 июня 1806 г. русские войска заняли Дербент. Занятие Дербента имело важное стратегическое значение. Как отмечает М. Игамбердыев «Итак, знаменитый Дербентский проход, находившийся на восточной оконечности Кавказа, между отрогом Табасаранских гор и Каспийским морем, служивший в течение многих веков надежным укрепленным пунктом Ирана на севере, служивший «границей между мусульманами и гяурами», был присоединен к России»⁸³. Вслед за этим, 3 октября, без боя был занят Баку. Хуссейн-Кули-хан бежал. Управление ханством было возложено на генерал-майора Гурьева и трех беков⁸⁴. Далее, русские войска двинулись к Кубинскому ханству, которое также заняли без сопротивления⁸⁵. Практически параллельно этим операциям, отряду генерал-майора Небольсина было поручено восстановить российское влияние в шекинском ханстве, а отряду Орбелиани пресечь набеги джаро-белоканских лезгин на Грузию. Отразив 22 октября атаки войск хана, на следующий день отряд Небольсина вступил в Нуху. Селим был лишен ханского достоинства, а управлять ханством было поручено бывшему хойскому хану Джафар-Кули⁸⁶.

Между тем, обстановка в Европе продолжала ухудшаться. Французская дипломатия делала все, чтобы связать руки России на востоке. В Турцию был направлен в качестве посла генерал Себастиани, в чью задачу напрямую входило подстрекательство султана на войну против Российской империи. Как отмечает Н. Дубровин «Не было никакого сомнения, что Франция воспользуется всеми выгодами такого соседства. Можно было предвидеть, что Порты, утраченная угрозами Наполеона, или обольщенная обещанием возвратить ей области, потерянные во время войн с Россию. Перейдет на сторону Франции и, не смотря на все наши старания сохранить с турецким правительством доброе согласие, оно посягнет на поднятие против нас оружия. В этом последнем случае положение главнокомандующего на Кавказе могло быть весьма затруднительным. В виду продолжающейся войны с Персией, ему пришлось бы бороться одновременно с двумя неприятелями персиянами и турками»⁸⁷. После серии побед Наполеона, французские «акции» при султанском дворе существенно возросли. Нарушение Турцией ряда условий Ясского мира (например, смена без участия России господарей Молдавии и Валахии), явно свидетельствовала о том, что дело близится к русско-турецкому разрыву. Российская дипломатия, стремясь нейтрализовать эти угрозы, хотела добиться временного мирного соглашения хотя бы с Ираном. Как было отмечено выше, такие предписания давались еще Цицианову. Тогда, в силу изложенных причин, даже помышлять о переговорах с Ираном по этому поводу не представлялось возможным. Ныне же, после очередных побед русских войск, в Санкт-Петербурге считали возможным вновь возвратиться к этой теме. В свою очередь Иран (как выяснится позже – лишь с целью выигрыша времени), сам подал сигналы о том, что он также не прочь сесть за стол переговоров. В столкновениях, возникших из-за багдадского пашалыка, персы терпели от турок неудачи.

⁸² РГВИА, ф. ВУА, 1806 г., д. № 4259, ч. 4, лл. 47, 50.

⁸³ *Игамбердыев М.* Указ, соч., С. 96–97.

⁸⁴ *Дубровин Н.* Указ. соч. Т. V, С. 78.

⁸⁵ Там же. С. 81.

⁸⁶ Там же. С. 88–89.

⁸⁷ Там же. С. 11. Более подробно о влиянии французской дипломатии на русско-персидские и русско-турецкие отношения, см. в главе V.

Шах на тот момент не мог вести широкомасштабные боевые действия против России, и опасаясь занятия либо русскими, либо турецкими войсками Эриванского ханства. Для достижения своих целей шах отправил одного посланника в Константинополь – с задачей заключения мира, а другого – к русской стороне с целью начала мирных переговоров. Чтобы «не потерять лицо», шахский двор действовал от имени гилянского правителя Мирзы-Мусы. Уже в сентябре 1806 г. к Гудовичу прибыл иранский чиновник от Мирзы-Мусы Мирза-Мамед-Али. Последний передал Гудовичу предложения Мирзы-Мусы клонившиеся к тому, чтобы либо войти в переговоры с шахом через него, либо отправить посланника прямо в Тегеран с предложением мирных условий⁸⁸. При разговоре с Мамед-Али Гудович намекнул ему (следуя инструкциям Будберга) и на возможность оказания помощи персам в вопросе Баязета, Эрзурума, Карса.

В ответом письме к Мирза-Мусе (т. е., на самом деле к шаху), Гудович отмечал следующее «и увидел я из оного желание Персии спокойствия, доброго согласия и мира, уведомляю вас, что Государь Император мой, сколь велик, столько и человеколюбив, жалеет пролития крови не только своих верноподданных, но и неприятельской. Ведая потому сию волю, я не удаляюсь от клонящегося к доброму согласию и миру сношения, с тем, однакож, чтобы мир был сходственный Высочайшему достоинству величайшего в свете Государя Императора. Твердость и постоянство мира зависят наипаче от постановления постоянных, твердых и самой натурою показуемых границ, как, например, реки Кура и Араке. Ежели доброе и искреннее намерение к миру с вашей стороны есть, и сей первый о вышеписанных границах пункт постановлен будет основанием мира, то я осмелюсь о том донести всеподданнейше Его Императорскому Величеству и надеюсь, что великий Государь Император мой даст свое Высочайшее мне повеление на дальнейшее постановление мирного договора и затем, великодушное признание может последовать владеющего ныне персидскими провинциями в настоящем его, по прежним обыкновениям персидским, достоинстве»⁸⁹.

Однако, дабы не сорвать с самого начала саму возможность мирных переговоров, император Александр I стремился на данном этапе избежать жестких постановок вопроса о границах (что было наиболее раздражающим фактором для персов) и инструктировал Гудовича добиться хотя бы приостановления военных действий. Так, в своем письме последнему от 4 октября 1806 г. император отмечал «Сходно с ответом, вами учиненным, Кура и Араке должны быть непременною чертой, определяющей границы между Российской Империей и Персией. Но как при стечении настоящих обстоятельств, прекращение воинских действий с Персией представляется важнейшим предметом, я повелеваю вам, не

входя в переговоры о границе и предоставляя оные до формального трактования о мире, предложить уполномоченным от Баба-хана следующие прелиминарные статьи, как скоро получите вы удовлетворительный ответ на письмо, писанное к Гилянскому правителю

1. Прекращение с обеих сторон воинских действий.

2. Всякой стороне оставаться во владении тех мест, где какой державы находятся войска.

3. До заключения мира или до разрыва переговоров, могущие встретиться пограничные разногласия разбирать полюбовно, через нарочно определяемых для сего с обеих сторон комиссаров, назначая им съезд в Елизаветполе или в ином пограничном городе.

4. По подписании сих прелиминарных статей уполномоченными от персидского владельца Баба-хана, те же уполномоченные или другие, немедленно будут назначены к отправлению в С.-Петербург для заключения мирного постановления»⁹⁰.

⁸⁸ *Дубровин Н.* Указ. соч. С. 113.

⁸⁹ АКАК. Т. III. С. 419.

⁹⁰ АКАК. Т. III. С. 420–421.

В контексте ухудшавшихся практически с каждым днем русско-турецких отношений, Петербург настаивал на необходимости добиться заключения как можно скорейшего перемирия. Более того, главнокомандующему был дан совет самому уже обратиться с мирными предложениями к иранцам. Так, министр иностранных дел России А. Будберг в своем письме Гудовичу от 14 ноября 1806 г. писал «Приобретение Кубы и Баку заставляет тем паче помышлять о скорейшем окончании мирных переговоров, начавшихся с Баба-ханом, а потому ПИ. соизволяет, чтобы употреблены были все возможные средства для достижения сей цели. Имея в руках Дагестан и часть Адербейджана, в.с. можете без унижения российского достоинства отозваться к Баба-хану прямо с повторительными предложениями мира. Сей поступок, при новых успехах вами одержанных, не иначе может быть почитаем, как явным опытом умеренности Российского Двора и не чаятельно, чтобы Персияне учинили из сего другое заключение. А между тем я должен открыть вам, что мир с Баба-ханом весьма нужен в теперешних обстоятельствах, на случай войны с Портой Оттоманской, и чтоб самих персиян обратить против турок, буде сие возможно»⁹¹.

Российская сторона опасалась происков французской дипломатии. Вполне обоснованные опасения внушала ей деятельность французских эмиссаров Ромье и Жобера, посланных Наполеоном на Восток.

В результате, в Тегеран для переговоров был послан адъютант Гудовича майор Степанов, выехавший из Тифлиса в половине декабря. Между тем, 18 декабря 1806 г. Турция, подстрекаемая Францией, наконец, объявила России войну. Несмотря на это, в Петербурге все таки (даже несмотря на известие об объявлении войны, которое было получено там 3 января 1807 г.), не исключали возможности заключения с Ираном перемирия. Так, в письме Гудовичу, от 7 января 1807 г., император Александр I выражал надежду, что даже в нынешних условиях с Ираном все таки можно договориться «Пред сим объяснено вам было желание мое, дабы, предупреждая разрыв с Портой, стараться прекратить неприятельские действия с Персией и, буде можно, соединиться с Баба-ханом против турок, дабы обратить все ваши силы и все внимание в сию сторону. К удовольствию моему скоро я получил известие, что через попечения ваши учинен начальный шаг к мирным переговорам. Ныне сей предмет сделался столь важным, что достижение оногo я признаю началом будущих успехов, и потому поручаю сие дело особенному вашему старанию, предоставляя благоразумию вашему изобрести для сего приличнейшие способы. Нахожу нужным только повторить мое желание, чтобы границы российские остались в том положении, в каком оные теперь находятся, т. е. по Куру и часть Аракса, заключающую в себе область Елизаветпольскую и ханство Карабахское»⁹².

Однако, учитывая реалии, император все-таки не исключал и наихудшего сценария развития ситуации. В этом случае, главнокомандующему, несмотря на скудость средств (в конце 1806 г. на Кавказской линии находилась 19-я дивизия в составе 14 полков, из которых 2 – Севастопольский и Белевский переброшены были в Закавказье, и 20-я непосредственно в Закавказье в составе 10 полков неполной численности) предписывалось действовать решительно и наступательно. Так, в том же письме отмечалось «Из доставленных вам министром иностранных дел сведений вы увидите, что войска российские занимают уже все пространство Молдавии, Валахии и Бессарабии по Дунай, за исключением крепостей Измаила, Браилова и Журжи. Упразднив и сии последние места от турецких гарнизонов, я располагаюсь протянуть оборонительную линию по Дунаю и держаться в сей выгодной позиции, не попускаясь на дальнейшие предприятия, дабы не ослабить войск, действующих на Висле. К успешному выполнению сего намерения весьма могут способствовать наступательные ваши

⁹¹ АКАК, т. III, с. 424.

⁹² Дубровин Н. Указ. соч. с. 130.

действия, устремленные на азиатские владения Порты, отвлекая для защищения оных часть анатолийских войск, назначаемых в Европу»⁹³.

Если с Турцией война была делом решенным, то в Иране все же испытывали некоторые колебания. Конечно, победы, одержанные Францией на международной арене оказали свое воздействие не только на выступление Турции, но и на позицию Ирана (особенно в контексте миссии Жобера). Более того, при деятельном участии французской дипломатии стали намечаться совместные турецко-иранские операции против русских войск. Конфликт, развернувшийся ранее между персами и турками из-за Багдадского пашалыка имел тенденцию к «заморожению». Уже из рапорта генерал-майора Несветаева Гудовичу от 13 января 1807 г. было известно, что шахом было послано несколько ханов к Юсуф-паше для выработки совместного плана действий. А в одном из своих воззваний Аббас-Мирза писал «По милости Аллаха, в то время когда зефир дуновением своим распространит запах весны, орлы победоносных знамен наших распусят крылья из Тавриза, для уничтожения нации вражды и коварства. Тогда визирь Юсуф-Зия-паша двинется через Башачук (Имеретия) в Тифлис, для очищения этого города от неверных, и вследствие единовременного похода обеих сторон достигнется цель двух держав и исполнятся желания двух дворов. Воины же, участвовавшие в этом предприятии, удостоятся несметных наших милостей и бесчисленных наград»⁹⁴. О присылке же русского посланника Аббас-Мирза говорил «Вероятно и до вашего сведения дошло, что за несколько времени пред сим приехал ко мне посланец от Русского главнокомандующего и открыл переговоры о дружбе, изъявляя извинения за прежние свои действия. Я посланца этого отправил к высочайшему двору шаха... Цель того посланца состояла в том, чтобы мы примирились с русскими, дабы пыль вражды и злобы смелась с нас; но просьба его не будет уважена до тех пор, пока полы этих владений не очистятся от гадости их существа»⁹⁵. Сходные воззвания были посланы к Кадю Табасаранскому, джаро-белоканцам и Сурхай-хану Казикумузскому.

Однако, шахское правительство более склонялось к выжидательной тактике. Не доверяя туркам, оно стремилось к их ослаблению. Поэтому, наряду с воинственными воззваниями, оно, фактически, занимало выжидательную позицию.

Между тем, турки начали боевые действия. Уже 8 февраля 1807 г. было отражено нападение турок на Редут-кале (Мингрелия). В письме к барону Будбергу от 5 февраля 1807 г., Гудович говоря о трудностях начинавшейся компании, указывал, в качестве основной причины для таковых, незначительность вверенных ему сил и средств «Должен при этом признаться, что без заключения перемирия с Персией, трудно будет мне изворачиваться, особливо имея такие места, откуда войск взять не можно, как Дербент, Баку, Шушу, Елисаветполь, Имеретию, Мингрелию, и устья р. Хопи, также малое число до утверждения нового Джафар-Кули-хана в послушании ему Шекинского народа, в Шеки и в самом Тифлисе и малую часть в стороне Лезгинцев, ибо хотя теперь и приведено все в покорность, но отдаляясь отсюда с войсками, по ветрености и вероломству здешних народов без обдуманной нужной осторожности оставить не можно. Корпус не по чину и не по долговременной моей службе будет у меня малый; надеюсь, однако, на Бога, что исполню высочайшую волю»⁹⁶.

Оценивая боевые качества обеих противников, и сообразуясь с желаниями правительства, Гудович решил, в складывавшихся обстоятельствах, действовать против турок наступательно, а против иранцев – оборонительно. Оставив отряд генерал-майора Небольсина на

⁹³ Там же.

⁹⁴ АКАК. Т. III. С. 427–428. О русско-турецкой войне более подробно, см. например *Петров А. Н.* Война России с Турцией. 1806–1812 гг. В 3-х тт. СПб, 1885–1887.

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ АКАК. Т. III. С. 534.

границах Карабахского ханства против персов, части генерал-майора И. Рыкгофа в Имеретин и Мингрелии, а также небольшие резервы в Тифлисе и вокруг него, главнокомандующий решил с остальными силами оперировать против турок на следующих основных направлениях на Поти, на Ахалцих и на Карс.

Первая крупная боевая операция против турок была осуществлена в направлении Карса, который, как надеялся Гудович, будет сдан Мамед-пашой русским, прежде обращавшегося к ним за покровительством. 16 марта 1807 г. небольшой отряд (ок. 2500 чел.) генерал-майора Несветаева пересек границу, отбросил турок у Баш-Шурагеля и продолжил движение к Карсской крепости. Однако, надежды на добровольную сдачу крепости не оправдались, и уже 26 марта, не имея возможности с наличными силами предпринимать штурм, отряд Несветаева отступил к с. Бальдераван. Между тем, сам главнокомандующий, приказав Рыкгофу идти на Гурию, 17 апреля 1807 г. выступил в поход на Ахалцихский пашалык, имея целью захват Ахалкалакской крепости. С падением крепости можно было рассчитывать на покорение всего пашалыка.

В документе, составленном позднее Д.А. Милютиным, подчеркивается важное стратегическое значение Ахалкалакской крепости. Так, там отмечается «Ахалкалакская крепость была важна для гр. Гудовича она обеспечивала дальнейшие предприятия на Ахалцих. Потому решился он взять ее приступом. Надеясь тем более на успех, что гарнизон состоял из 1500 человек»⁹⁷. Однако, штурм начавшийся 9 мая, окончился неудачей и отступлением русского отряда от стен крепости.

Тот же автор следующим образом представляет обстоятельства имевшего место штурма, раскрывая параллельно причины неудачи «Приступ назначено было произвести на рассвете с 8 на 9-е мая тремя колоннами, состоявшими из полков Херсонского и Кавказского гренадерского, 9-го и 15-го егерских, всего пехоты под ружьем 2900 человек. Начальниками колонн были генерал-майоры Титов, Портнягин и гр. Гудович, сын главнокомандующего. Ночью подошли они к назначенным местам и на рассвете, по сигналу с батарей, двинулись на приступ, о чем турки были предупреждены бежавшим из нашего лагеря татаринном. Они вывели из крепости всех безоружных обывателей, имели только одних военных и подготовились к мужественной обороне. Они встретили наших сильным огнем. Солдаты, выбранные из гарнизонов и рекруты прошлогоднего отделения, не бывалые в деле, и коих состояло наполовину, забыв запрещение стрелять, доколе не взойдут на стену, открыли огонь слишком рано, потом поставили лестницы не в назначенных местах, не там, где стена ниже, но где она высока, на которую хотя взлесть и можно было, но опуститься в крепость трудно. Одолевая препоны, старые солдаты взойшли на стену, овладели одною башнею, взяли пушку и знамя, некоторые из них спустились в крепость, но молодые солдаты не поддержали их. Гр. Гудович ввел в дело резерв, оставя при себе только 150 человек пехоты, 3 эскадрона драгунов и казачий полк, для удержания показавшейся в тылу его неприятельской конницы. Штурм продолжался около 5 часов. Все усилия были бесполезны и наконец турки взорвали башню, занятую нашими войсками, которые полетели на воздух. Гр. Гудович велел отступить. Турки сделали вылазку и отбили орудие, стоявшее от крепости в 40 сажнях, откуда стреляло оно в ворота и уже до половины их разбило. Потеря наша простиралась убитыми и ранеными до 897 человек. После неудачного приступа гр. Гудович не решился продолжать наступательных действий к Ахалциху, возвратился в границы Грузии и стал у Цалке»⁹⁸.

Тогда же завершились неудачей операции генерал-майора Рыкгофа против турок у Поти. Выступив 27 апреля 1807 г. с отрядом ок. 1300 чел., Рыкгоф отбросив небольшие

⁹⁷ РГВИА, ф. ВУА, 1807 г., ч. 1, л. 102 об.

⁹⁸ Там же. л. 103–105.

турецкие силы, осадил Поти. Однако, не имея возможности его взять, и угрожаемый получившим подкрепление неприятелем, он вынужден был 19 мая снять осаду и отступить.

Ободренные этой тройной неудачей турки решили сами развернуть наступательные действия. Превосходящие силы турок, под командованием Юсуф-паши трижды (19 мая, 30 мая и 5 июня) атаковали отряд Несветаева, укрепившийся в Гюмри, однако были отброшены. Несветаев ожидал главнокомандующего Гудовича, шедшего к нему на помощь, Юсуф-паша – новых подкреплений. Развязка наступила 18 июня на р. Арпачай. Имея против свыше 20 000 турок, только 6 744 чел., гр. Гудович атаковал противника, и после 7-часового ожесточенного сражения нанес ему тяжелое поражение. За эту победу он был удостоен фельдмаршальского чина. В своем рапорте императору Александру I от 20 июня 1807 г. он следующим образом описал основную фазу сражения у Арпачая «С 17 на 18 число июня с помощью Божиею, имея неприятеля против себя превосходнее в 4 раза, с артиллериею более 25 пушек и 2 мортирами, перешед до рассвета 16 верст, 18 числа на рассвете турнировал его лагерь в тыл и атаковал. Неприятельские пикеты, в большом числе стоявшие по левую сторону Арпачая. Приметивши меня, сделали тревогу и неприятель обратился на меня в больших толпах с анатолийскими войсками, почитавшимися у Порты всегда лучшими, препятствуя переправиться мне чрез реку Арпачай, окружал 4 каре, которыми я его атаковал, произведя пальбу из артиллерии. Но, наконец, по 7 часах сильного сражения, видя стремительное мое нападение для переправы через реку и для отрезания ему дороги в тыл, начал бежать за реку. Почему я, устроивши батареи на берегу, тотчас начал переправляться чрез реку, хотя с трудностью; тут сераскир, оставя мне свой лагерь, кинулся в другой свой лагерь, от первого в 5-ти верстах отстоящий, где он всегда и сам находился, но увидя потом, что я и туда начал наступать и что его войска испуганные начали бежать куда кого страх ведет, не успев сесть на лошадь бежал 2 версты пешком, по показанию пленных, где уже дали ему его лошадь, оставя мне и другой целый лагерь, 2 мортиры, 4 пушки и много припасов и снарядов. А потому и спешу в.и.в. всеподданнейше донести вкратце, что неприятель несравненно в превосходных силах совершенно разбит и рассеян, в добычу оставил 2 лагеря, 10 пушек и 2 мортиры, прочие пушки побросал в виду и далее по дороге... При сем благополучном сражении потеря с нашей стороны малая и состоит ген.-л. Барон Розен ранен контузиєю ядром, в убитых ядрами и пулями 2-х штаб-офицерах и нижних чинах, унтер-офицерах и козаках 12-ти и ранено тяжело и легко обер-офицеров 2 и нижних чинов 66; неприятель уже потерял более 1000 чел. убитыми»⁹⁹. Юсуф-паша с практически полностью расстроенными силами отступил к Карсу, где в условиях отсутствия заготовленного провианта его потрепанное войско большей частью разошлось. Эта победа на длительное время остудила наступательный порыв турок, что сказалось и на настроениях шахского двора. Ожидавший с 12 000 войском итогов сражений Аббас-Мирза, едва получив известие о разгроме турок, предпочел отступить к Нахичевану. Надежды шахского двора, на мощь турецких войск себя не оправдали. Более того, при французском посредничестве 2 сентября 1807 г. при селении Узум-Килиши, русскими уполномоченным генерал-майором Титовым и турецким – Али-пашой было заключено перемирие¹⁰⁰.

За это время, несколько раз менялась международная обстановка. После начавшегося сближения Франции и России и ознаменовавшегося подписанием 25 июня 1807 г. Тильзитского договора, франко-иранский договор, заключенный 4 мая 1807 г. в Финкенштейне (ратифицирован 10 мая) фактически утратил свое значение. Отныне, французский уполномоченный А. Гардан должен был, в соответствии с инструкциями заменившего министра иностранных дел Талейрана Шампаньи, содействовать заключению между Россией и Ира-

⁹⁹ АКАК. Т. III. С. 548–550.

¹⁰⁰ *ш Дубровин Н. Указ. соч. С. 188.*

ном перемирия¹⁰¹. Это, как было показано выше, конечно вовсе не исключало поддержки французами персам. Что в дальнейшем и произошло. Однако на данный момент, реальной помощи от французов персам ожидать было нельзя. Сам Иран оказался совершенно не готов в 1807 г. к сколько-нибудь серьезным наступательным операциям против русских войск. Причины этому были разнообразны, и заключались не только в конфликте с турками по поводу Багдадского пашалыка и действий англичан на берегу Персидского залива, но также и волнений в Хорасане, инспирированных одним из недовольных шахских сыновей. При таких условиях, шахский двор надеялся лишь выиграть время. Так, уже после арпачайской победы, прибывший к Гудовичу вместе со Степановым иранский посланник Багирбек, сообщил только о том, что тегеранским двором уполномочен вести переговоры о мире Аббас-Мирза. Посылая позже подполковника Вреде с письмами к Аббас-Мирзе, Мирзе-Бозоргу, Мирзе-Шефи, генералу Гардану, главнокомандующий повторял прежние условия, на основе которых может быть заключен мир. Так, в частности, в письме к Аббас-Мирзе от 25 марта 1808 г. Гудович настаивает «...главное основание, на коем может быть постановлен прочный мир между Всероссийской Империей и Персией, есть определение границ по р.р. Куре, Араксу и Арпачаю... чтобы все земли, лежащие на левом берегу течения сих рек, уступлены были в вечное владение всемилостивейшего и великого моего Г. И.»¹⁰².

Стремясь рассеять надежды персов на помощь со стороны Франции и тем самым, еще более побудить их к скорейшим мирным переговорам, Гудович в том же письме отмечал «Французская империя, заключенным миром с Всероссийской империей, находится теперь с ней в тесном дружественном союзе, а потому все действия ее не могут уже теперь идти на вред России. Если со стороны Французской империи, во время продолжавшейся войны с Россией и были сделаны какие-либо обещания Персии, кои относились по тогдашнему времени ко вреду России, то ваше высочество, как опытный и благоразумный муж, сами можете видеть, что при теперешнем союзном и дружеском расположении обеих сих великих держав, обещания такие не могут быть исполнены. Следовательно, взяв положение нынешних владений великого Государя Всероссийского в краю здешнем, и рассмотрев положение других Европейских держав, нельзя не приметить, что Россия, во всех отношениях, должна иметь важнейшее против других держав влияние на Персию. Англичане, по запутанности дел своих, восставив против себя почти всю Европу, в теперешнем своем положении, кроме пышных обещаний, кои ими никогда не могут быть исполнены, никакой пользы не приносят для Персии. А турки, коих Персия, как уже всем известно, почитала злейшими своими неприятелями, никогда не могут быть верными ей союзниками. Итак, приятное или неприятное расположение России будет всегда наиболее чувствительно для Персии»¹⁰³.

Персы же у себя наблюдали иное. Прибывший с большой группой военных генерал Гардан, несмотря на определенную сложность и двусмысленность своего положения (в особенности, после Тильзита), наоборот, делал многое для усиления реваншизма Каджаров. Еще до начала боевых действий, французские офицеры (Вердье, Лами) успели осмотреть Эриванскую крепость. Конечно, первоочередной целью французского представительства являлось вытеснение английского влияния, как это и было показано в предыдущей главе, однако, хрупкость Тильзитского мира, амбиции императора Наполеона и многие иные факторы говорили о том, что русско-французское сближение на данном этапе – временно. Между тем, самый разгар русско-французских трудностей с Континентальной блокадой был еще впереди.

¹⁰¹ Mission du general Gardane en Perse sous le premier Empire. Documents historiques, publiés par son fils le C-te Alfred de Gardane, Paris, 1868. P. 107.

¹⁰² АКАК. Т. III. С. 456.

¹⁰³ АКАК. Т. III С. 456–457.

4 сентября 1808 г. гр. И.В. Гудович, выступил из Саганлугского лагеря с отрядом в 240 офицеров и 7. 506 чел. нижних чинов по направлению к Памбаку¹⁰⁴. Он намеревался атаковать иранские войска, находившиеся в Абаране, и оттуда идти на Эриванскую крепость. Начинаясь 2-й Эриванский поход. Одновременно, Гудович приказал генерал-майору Небольсину занять Нахичеван. Для выполнения этой задачи Небольсин выступил с 3000 отрядом 11 сентября из Шуши. Портнягину же было приказано наблюдать за иранской и турецкими границами. С целью отвлечения иранских сил готовилась также диверсия и на море. Так, в приказе от 9 сентября капитан-лейтенанту Степанову Гудович писал «Послать в Энзели одно военное судно... отрядить... бомбардирский корабль и сколько можно других военных судов. Не оголяя однако же совсем Бакинського рейда, и с сею эскадрой сделать оказательства на приморские места Персии, дабы тем самым устрашить персиян и сделать диверсию...»¹⁰⁵.

29 сентября у с. Аштарак Гудович отбросил 4.000 иранских войск во главе с Хусейн-ханом. 30 сентября без боя был занят Эчмиадзин. 3 октября состоялась переправа через р. Зангу. 4 октября 1808 г. от имени Гудовича населению Эривана была прочитана его прокламация, в которой говорилось «...Жители Эривани! Вы не берите в пример прежней неудачной блокады крепости Эриванской. Тогда были одни обстоятельства, а теперь совсем другие. Тогда предводительствовал войсками кн. Цицианов – из молодых генералов, не столько опытный в военном искусстве, а теперь я имею счастье командовать здесь победоносными войсками... водив уже более тридцати лет сильныя российские армии. Притом же в прежнюю блокаду Эривани было несравненно меньше войска, а теперь я столько имею здесь оного, что не только могу истребить крепость, но и пройти всю Персию. За всем тем, щадя кровь человеческую, я еще призываю вас размыслить о предстоящем вам неминуемом бедствии, если вы будете упорствовать, и о том спокойном обладании каждый своей собственностью и имуществом, также уверенностью в своей жизни и безопасности, когда покоритесь и сдадите крепость добровольно. Избирайте то или другое! Я отдаю сие на вашу волю. Только решайтесь скорее, пока есть еще время. Не надейтесь, впрочем, жители Эривани, ни на какой секурс, ибо крепость ниоткуда оного не получит. Я имею столько войска, что обложив крепость, выйду в поле с другой частью победоносных войск против всякого секурса и рассею оный... Ответ жду завтрашнего утра»¹⁰⁶.

Граф Гудович напрасно истощал свое красноречие. Сама крепость уже была укреплена под руководством опытных французских инженеров, отправленных ранее туда Гарданом. Так же как в первую осаду, в тылу русских войск находились персы. Еще перед самой осадой, Хусейн Кули-хан, оставив 2 000 чел. пехоты, вышел из крепости с конницей, переправился через р. Гарни, чтобы тревожить русский тыл. В Нахичеване концентрировались войска Аббас-Мирзы. Сам русский корпус, как уже видно из приведенных данных, не был велик. Поэтому, апелляции к количественному фактору с целью устрашения вряд ли были уместны в том случае, когда на араратской равнине, особенно с высоты крепостных укреплений, все было видно как на ладони. Сравнение с Цициановым не в пользу последнего перед лицом противника также вряд ли были вполне уместны. Как бы то ни было, 7 октября Гудович приступил наконец к планомерной осаде крепости.

17 октября, гр. Гудович опять обратился с воззванием к коменданту крепости Хасан-хану, где повторил сходные с первым тезисы о многочисленности российских войск и т. д. Так, там вновь говорилось «Вы почтенный комендант, конечно, уже знаете и сами видите, сколь многочисленную я имею армию при сильной артиллерии; известно также вам должно быть и то, что Хусейн-Кули-хан Эриванский... прогнан далеко за Араке... Наконец, нельзя

¹⁰⁴ *и Дубровин Н.* Указ. соч. С. 209.

¹⁰⁵ АКАК Т. III. С. 486.

¹⁰⁶ АКАКТ. III. С. 237–238.

статься, чтоб вы также не знали о весьма худом положении дел в Персии, следовательно, и не можете ниотколько ожидать помощи к городу»¹⁰⁷.

Между тем, к гарнизону уже шел на помощь Фарадж-Уллах-хан Шахсеванский во главе отряда в 3.500 чел., объединившийся с располагавшимся вне крепости частью сил Хуйсейн-Кули-хана. Против них Гудович двинул сводный отряд под руководством генерал-майора Портнягина. Этот отряд, в результате столкновения у с. Авшар отбросил персов и принудил их к отступлению за р. Карасу. Однако, они не были окончательно разгромлены. Тем временем, персы, согласившись с французским послом Гарданом, послали в русский лагерь секретаря французского посольства Лежара с просьбой приостановить военные действия и отвести русские войска из пределов Ереванского ханства. Непрошенное французское посредничество не могло не вызвать негативной реакции русской стороны. Лежар при встрече с Гудовичем ссылаясь на то, что согласно заключенному между Персией и Францией трактатом, последняя обязалась соблюдать целостность и неприкосновенность персидских провинций. Однако, Гудович не уступил, и привел контраргумент о союзных русско-французских отношениях. В результате, миссия Лежара закончилась безрезультатно. В то же время Гудович вновь предложил гарнизону сдаться.

Ответ же коменданта крепости Хасан-хана Гудовичу был отрицательный. Так, он отмечал «Я получил письмо вашего сиятельства, в котором вы предлагаете мне уступить вам крепость Эривань, сообщив мне, что вы разбили нашу армию и прогнали за Араке. Да будет вам известно, что мы, вступив в эту крепость, закрыли глаза от надежды на помощь со стороны своей армии, а существование и ее сочли одинаковыми – следовательно, мы не ожидаем ее, пусть она удалится куда угодно. По милости Аллаха, мы не имеем нужды в ее содействии. Также пишете вы, что от действия ваших пушек будто некоторые крепостные башни разрушены и некоторые наши пушки, помещавшиеся на них, опрокинуты. Мы готовы даже вне крепости, в чистом поле, также действовать против вас... Во всяком случае, да будет вам ведомо, что гарнизон этой крепости уже решился на самоотвержение и ожидает предопределения Аллаха». Помимо этого, Хасан-хан уведомляет Гудовича о том, что «Весь гарнизон, состоит из отборных стрелков, взятых из отдаленных внутренних провинций, где остались их жены и дети под присмотром, как заложники. Для них лучше умереть одним, чем подвергать тому же и свои семейства, которых гибель неизбежна, если осажденные не будут защищать крепости»¹⁰⁸.

17 ноября, видя что крепость не намерена сдаваться, Гудович двинул 4 колонны (5-я находилась в резерве) на штурм крепостных стен. Но командующему иранским гарнизоном Ереванской крепости удалось получить план штурма крепости¹⁰⁹. Иранцы применив сильный артиллерийский огонь расстроили колонны и нанесли им значительный урон. Особо чувствительной потеря была среди старших офицеров, которые шли во главе штурмующих колонн. В результате, приступ был отбит.

Потери русских войск составили 279 убитых и 464 раненых¹¹⁰. Потери персов составили 153 человека убитыми и ранеными. Гудович сгоряча хотел было готовиться к новому штурму, однако становилось ясно, что без дополнительных сил на данном этапе крепости не взять. В русских войсках свирепствовали болезни. Начал ощущаться недостаток в провизии, а над коммуникационным сообщением с Грузией, как и ранее, вновь нависала угроза их перекрытия персами. В этих условиях, Гудович вынужден был согласиться с пессимистическими оценками большинства членов военного совета, категорически высказавшихся

---

¹⁰⁷ АКАК. Т. III. С. 250.

¹⁰⁸ Дубровин К. Указ, соч., Т. V, С. 221–222.

¹⁰⁹ Игамбердыев М. Указ, соч. С. 111.

¹¹⁰ Дубровин Н. Указ, соч., Т. V, С. 224.

против нового штурма, который бы привел бы только к новым и бессмысленным жертвам. В результате, 28 ноября началось отступление русских войск, которых немедленно начали преследовать персы. 6 декабря отряд достиг Грузии и был распущен по зимним квартирам. Развивавшиеся практически параллельно операции генерал-майора Небольсина вначале были вполне успешны. Выдвинувшийся из Шуши его отряд чуть более 3.100 чел. при 10 орудиях, 28 октября при деревне Кара-Баба был атакован 15 000 армией Аббас-Мирзы. Несмотря на 5-кратное превосходство в силах, иранцы были разбиты, а 1 ноября 1808 г. город Нахичеван был занят русскими войсками. Однако, после начавшегося отступления главного корпуса от стен Ереванской крепости, отряду Небольсина также было приказано отступить. Небольсин оставил г. Нахичеван 1 декабря, который был на следующий же день занят армией Аббас-Мирзы. При отступлении отряд Небольсина был подвергнут целой серии атак. 5 декабря, сам Аббас-Мирза с 30 000 армией вновь атаковал русский отряд у с. Кара-баба. Небольсин упорно оборонялся несколько часов и, наконец, уже к вечеру, сам перешел в наступление и сбил персов с их позиций. Пробив себе таким образом путь, отряд Небольсина 8 декабря возвратился в Карабах.

Без особых результатов завершилась и операция на Каспии. Каспийская флотилия, действовавшая под командованием капитан-лейтенанта Степанова заняла было Энзели, но потом вернулась на остров Саро. Таким образом, и кампания 1808 г. завершилась без ощутимых результатов. В своем письме императору Александру I от 1 января 1809 г. Гудович просил дать ему отставку ввиду болезни. На этот раз его просьба была уважена, а вместо него на посту главнокомандующего был утвержден генерал А.П. Тормасов. Перед главнокомандующим ставилась такая же задача, что в свое время и перед его предшественником – прочно укрепиться на берегах Аракса и Куры и заключить мир с Ираном.

В. Потто, обращаясь к личности нового главнокомандующего, а также к прежнему периоду его деятельности отмечал «Тормасов начал службу офицером в 1772 году и через двенадцать лет, в чине полковника, командовал уже Александрийским гусарским полком, с которым участвовал в турецкой войне 1791 года в армии князя Репнина. Произведенный в эту кампанию в генерал-майоры, Тормасов получил кавалерийскую бригаду, и в сражении под Мачином его безусловно отважная, блестящая атака во фланг неприятельской армии доставила русским решительную победу. За этот подвиг Тормасов, не имевший до того никакого ордена, получил прямо крест св. Георгия 3-ей степени. С окончанием турецкой войны Тормасов переведен был в Польшу и, командуя различными кавалерийскими отрядами, находился во многих делах; между прочим он был под Мациевицами, где взял в плен Косцюшко, и штурмовал с Суворовым Прагу. Орден св. Владимира 2-ой Степени и золотая, украшенная бриллиантами сабля с надписью «За храбрость» засвидетельствовали его отличия в эту кампанию. В 1798 году он был произведен в генерал-лейтенанты, а через три года – в генералы от кавалерии. В больших европейских войнах 1805–1807 годов ему не пришлось принять деятельного участия, а после Тильзитского мира тяжкая болезнь заставила его и совсем выйти в отставку. Но не далее, как через год, император Александр снова призвал его на службу, поручив ему высокий пост главнокомандующего в Грузии, и двенадцатого апреля 1809 года он уже вступил в управление краем»¹¹¹.

Н. Дубровин, в свою очередь характеризуя А. П. Тормасова, отмечал «назначенный вместо графа Гудовича... генерал от кавалерии Александр Петрович Тормасов был человек энергичный и решительный, вполне честный и безкорыстный, обладавший твердою волею и некоторою настойчивостью, заставлявшие его однажды сделанное распоряжение приводить в исполнение»¹¹². Конечно, данная характеристика выглядит несколько идеализирован-

¹¹¹ Потто В. Указ. соч. С. 438–439.

¹¹² Дубровин Н. Указ соч. Т. V. С. 228.

ной, тем не менее следует отметить, что в плане решительности и наличия военного опыта, он ни в чем не уступал своему предшественнику, а в плане дипломатической гибкости, как покажут дальнейшие события, превосходил его. В сложившееся чрезвычайно сложной ситуации сумма этих качеств была необходима. Войск было мало. По данным Н. Дубровина, общая численность русских войск на Кавказской линии и Закавказье, к моменту вступления А. Тормасова в должность составляла 27 648 чел. пехоты и 15 886 чел. кавалерии при 36 батарейных и 64 легких орудиях¹¹³.

Что касается Ирана, то второй неудачный поход русских войск под Эриванскую крепость, там уже рассматривался в качестве успеха персидских войск. Вместе с тем, шахский двор был в определенной степени разочарован позицией Франции, много обещавшей, но ничего (из того, что хотел получить шахский двор) не сделавшей. Наряду с этим, англичане делали все, чтобы усилить свое влияние в Иране, и, одновременно, подорвать французское. В сложной обстановке того времени, английская дипломатия делала все возможное, чтобы сорвать планы возможного франко-иранского сотрудничества в вопросе Индии. Параллельно этому, английская дипломатия (несмотря на членство с Россией в антифранцузской коалиции), не желала укрепления и российских позиций на Востоке. Новый английский посол Харфорд Джонс в ультимативной форме потребовал от шахского двора отказа от сотрудничества с французами, обещая взамен английскую помощь в борьбе с Россией. Так, секретарь шаха, Мирза-Файзулла, прямо отмечал «Посол из Лондона привез с собой ультиматум, в силу которого иранцы должны были дружить или с французами, или с англичанами, и одно из двух посольств должно было покинуть Иран. Вместе с тем англичане изъявили готовность содействовать иранцам в борьбе их против вторжения русских в пределы Ирана»¹¹⁴.

Не углубляясь здесь во все перипетии англо-иранских переговоров, отметим лишь, что на начальном этапе своей миссии Харфорд Джонс добился вполне определенных успехов. В итоге, по приказанию шаха был аннулирован франко-иранский договор 1807 г., а вместо него в 1809 г. был заключен новый англо-иранский договор, посредством которого усиливалась роль Англии на дела в Иране. Так, в информации, предоставленной 20 декабря 1808 г. российским МИДом Гудовичу предупреждалось об ожидаемых осложнениях, которые ожидалось от деятельности миссии Джонса. Так, там отмечалось «... английское правительство имело отправить Гарфорда Жонеса посланником в Персию... Должно ожидать, что прибытие его к персидскому двору, мирные переговоры и вообще дела с Баба-ханом встретят еще более медленность и затруднений, а может быть предупредят англичане склонить его к воинским предприятиям против Грузии»¹¹⁵. Наряду с этим Харфорд Джонс хлопотал о заключении ирано-турецкого союзного договора. 5 января 1809 г. был заключен и англотурецкий договор. Нетрудно было догадаться, что все эти действия были направлены в первую очередь против России и отчасти – Франции. Со своей стороны, Франция, утрачивавшая позиции в Иране, делала все возможное, чтобы русско-турецкая война продолжалась так долго, насколько возможно.

¹¹³ Там же. С. 229.

¹¹⁴ Игамбердыев М. С. 124.

¹¹⁵ АКАК. Т. III. С. 446.

Иран, воодушевленный союзом с Англией, сложностями на европейском театре, продолжавшейся русско-турецкой войной, нацелен на взятие реванша и сейчас только маскирует свои военные приготовления. Были

вполне точно определены и основные направления предполагающегося наступления иранских сил. Так, Мамед-али-Мирза со 120 тыс. армией должен был опустошить Памбак и Шурагель. Аббас-Мирза с 20-ю тысячами готовился к нападению на Карабах и Ширван. Третья часть армии в качестве резерва находилась при самом Баба-хане, которой должна была в случае необходимости подкреплять то или иное направление. Об иранских приготовлениях к войне А.П. Тормасов совершенно без обиняков писал и в своем отношении к тогдашнему министру иностранных дел России графу Румянцеву от 10 июня 1809 г «Персия готовится к войне... Баба-хан со своим сыном Мамед-Али-ханом прибыл в Азербайджан... намерен выступить со стороны Карабага и Ширвана... Аббас-Мирза готовится к выступлению со стороны Эривани с 10.000»¹¹⁷.

Поэтому, не очень надеясь на положительный исход, русское командование, продолжая переписку с персами, тем не менее, готовилось к отражению неприятеля. В этом контексте Тормасов, выдвигал план усиления русской армии в Закавказье. Он просил подкреплений и присылки осадной артиллерии. Военные силы России на Кавказе в 1809 г. были не столь значительны. Они насчитывали всего 43.534 чел. при 100 орудиях. Непосредственно в Закавказье находились 11 пехотных, 8 донских казачьих, 1 драгунский и 1 линейный казачий полки, бывшие к тому же не полностью укомплектованными¹¹⁸. Однако, в создавшихся условиях, Петербург не имел особой возможности для высылки Тормасову значительных подкреплений.

Боевые действия начались в июле 1809 г. Кампания отрылась практически одновременным нападением иранцев на Карабах и Памбак. Так, 23 июля 1809 г. 10 000 персов напали при с. Амамли на два батальона Саратовского мушкетерского полка, но после нескольких часов боя были отброшены. Силы же Аббас-Мирзы, не пожелав вступить в бой с отрядом Небольсина отступили. Попытка Аббас-Мирзы прорваться к Елизаветполю также была сорвана. В результате, вплоть до середины августа, крупных боевых действий не велось.

Персы избегали крупных боевых столкновений, памятуя о негативном опыте прошлых лет и явно сознавая, что даже многократное преимущество их в живой силе над русскими войсками никак не гарантирует их от поражений. Но, полностью предотвратить неожиданные прорывы мелких и крупных групп – и, как следствие – грабеж и разорение населенных пунктов – русские войска, в силу отмеченной выше их немногочисленности на всем протяжении крайне растянутой линии в тот момент были не в состоянии. Так, в отношении к Н.П. Румянцеву от 10 сентября 1809 г., Тормасов учитывая это обстоятельство подчеркивает «ничего нет труднее и невыгоднее в здешнем краю, как вести оборонительную войну, потому что Грузия со всех сторон окружена неприязненными соседями и имеет тысячу дорог, по коим конный неприятель без артиллерии и без обоза может проходить. При том все здесь неприятели суть более хищники и стараются о том только, чтобы разорять селения, захватывать в плен и отгонять скот, где им позволит удобность; но всеми мерами избегают встречи войск и будучи конные обходят такими местами, где пехота не может их преследовать или предупредить, чтобы занять дороги. Обнять же здешними войсками всю границу есть дело совсем невозможное и оттого-то от одного места к другому должно делать непрерывные движения, что изнуряет войска, а между тем неприятель может иногда найти случай успевать в своем намерении. Такой род войны употребляют ныне и персияне, не упуская при том насчет английского золота восстанавливать против войск Е.И.В. и всех соседей Грузии,

^{117 17} РГВИА, ф. ВУА, д. № 406, л. 9.

^{118 18} РГВИА, ф. ВУА, д. № 4258, л. 294–296.

рассылая при том повсюду возмутительные фирманы, из коих многие взятыми осторожностями перехвачены»¹¹⁹.

Н. Дубровин также анализируя боевые возможности иранской армии и практикуемый ею способ действий, приходил к следующему выводу «В лице персиян мы имели не неприятеля, а хищника, хлопотавшего только о том, как бы разорить селения, сжечь поля, захватить пленных и отогнать скот. Персияне всегда и всеми мерами старались избежать встречи с нашими войсками, и будучи конными, обходили такими местами, где пехота не могла их преследовать или предупредить занятием дорог. Занять главнейшие пункты границы было делом совершенно невозможным, по малочисленности войска, и для защиты края приходилось делать большие переходы от одного места к другому; часто случалось приходиться туда, где не было уже надобности, и вновь спешить к третьему пункту, атакованному неприятелем. Такой способ ведения войны, утомляя войска, доставлял неприятелю возможность иметь успех в своих намерениях. Пользуясь быстротой движения, персияне производили грабежи, хищничества и вторгались в наши границы, преимущественно в Карабахское владение»¹²⁰.

Уже позже, в рапорте Ртищеву от 25 июня 1812 г., Котляревский, сообщая об очередных мелких (но очень чувствительных для местного населения) набегах персов на Карабаха, отмечает, что пресечь такие вылазки не удастся из-за нехватки людей в легких кавалерийских маневренных группах. «На сих днях неприятельская конная партия, ворвавшись в Карабаг в 500 чел., напала на жителей, снимавших хлеб, и по перестрелке побив из них 25 чел. и несколько взяв в плен, отбила скот при людях тех бывший. Хотя при извещении меня при переправе чрез Араке сей партии послано было 150 чел. казаков, но найти оной не могли. С другой стороны, тоже до 200 чел., переправясь, угнали скот дер. Каладары. В. пр. о сем донося, долгом поставляю и опять повторить, что у меня казаков мало и я за успех неприятельских конных набегов отвечать не в силах. На всем обширнейшем пространстве от Эривани и до самого Джевада неприятель со всех сторон может делать набеги, и имея везде бежавших к нему карабагцев, вредит оставшимся жителям, для отвращения коих конницы у меня нет. Ни при каких сборах неприятеля, ни при каких усилиях Аббас-мирзы, противу отряда мне вверенного не прошу и не буду просить добавки сюда пехоты, хотя оной у меня в отряде не так много, а всего только 1 500 чел.; *но прошу Козаков, которые мне необходимы и тех не получаю (курсив наш – В.З. и В.И.)*»¹²¹.

В августе боевые действия грозили получить наибольший размах на Елизаветпольском направлении. В своем рапорте от 14 августа 1809 г Тормасову комендант Елизаветполя подполковник Якимов доносил, что «... при урочище Ак-Булак персиян от 4 до 5 тыс. под начальством Пир-кули-хана, Эмир-Кули-хана и Джевадханского сына Угурлу-аги, а позади их в пяти агачах, составляющих 35 верст, на Ак-Огланской дороге находится Аббас-Мирза с войском более 20 000» и что «намерение их стремиться на крепость Елизаветпольскую»¹²². Донесение соответствовало действительности. 12 августа, иранцы были уже у Ак-Булака, куда выступили из под лагеря у оз. Севан (Гокча). Вслед за ними двигался Аббас-мирза. Однако, появление Тормасова вынудило Аббас-Мирзу возвратиться в Иран. Все его «подвиги» свелись лишь к разорению ряда сел. Мамед-Али-хан также вынужден был отказаться от планов по вторжению в Грузию через Карский пашалык. Узнав о движении к нему на встречу отряда Портнягина, он скомандовал отступление. Не увенчались особым успехом и прокламации царевича Александра.

¹¹⁹ АКАК. Т. IV. С. 695–697.

¹²⁰ Дубровин К Указ. соч. Т. V, С. 234–235.

¹²¹ АКАК. Т. V, С. 578.

¹²² АКАК. Т. IV. С. 490.

В этих условиях, Иран вновь вернулся к идее возобновления мирных переговоров. 22 августа к Тормасову прибыл посланец с письмом от Мирзы-Бозорга, в котором последний уведомлял, что Персия хочет мира, но, вместе с тем, для его заключения считает необходимым отправить посольство в Петербург. Свою позицию он аргументировал тем, что «уступка провинций и взятие оных, зависит от воли самих государей»¹²³. Ответственность на продолжавшуюся войну Мирза-Бозорг возлагал на российскую сторону, так как она, соглашаясь на принятие иранского посольства в Петербурге, вместе с тем выдвинула условия об уступке России Ереванского и Нахичеванского ханств. Так, в письме было сказано «Вы уведомили меня, что из Петербурга получено разрешение о беспрепятственности отправления посла, а между тем предложили непременно уступить Эривань и Нахичеван России... Такой ответ, который горче яда во время переговоров о дружбе, был весьма странен с вашей стороны. Хотя правительство мое из этого ответа сделало заключение о намерении вашем продолжать вражду, которая даст известный плод, но, принимая в соображение и дружеские ваши изъяснения в том письме, я решился отправить к вам Хаджи-Абуль-Хассана, и сообщаю вам, что если вы, подобно нам, имеете наклонность к дружбе, то на этот раз оставьте горький ответ, и напишите такое письмо, которое более усилило бы наше расположение к приязни, а не усугубило вражды между двумя державами. Если же вы такой наклонности не имеете, то воля ваша»¹²⁴. Одновременно с этим посланием Тормасовым было получено письмо престолонаследника Аббаса-Мирзы, в котором, в частности было сказано, что «... Иран не переменяет желаний своего приобрести мир с Россией и расположен послать в С.-Петербург своих полномочных послов, но с тем, чтобы там трактовано было о положении границ, а здесь они не были назначаемы»¹²⁵. Казалось бы вопрос не стоил таких обсуждений. Но как отмечает М. Игамбердыев «Настойчивость иранского правительства в вопросе о месте заключения мира с Россией (а именно в Петербурге) не была случайной. Русское правительство не было против этих требований Ирана. Но Россия считала обязательным заключение перемирия на месте с тем, чтобы подписать мир в Петербурге. Но английская дипломатия предупреждала иранский двор о том, что заключение мира на месте является якобы нарушением суверенных прав Ирана.»¹²⁶

В Санкт-Петербурге знали, кто является помехой в деле заключения мира. В своем отношении к министру иностранных дел России гр. Румянцеву от 10 сентября 1809 г. Тормасов писал «Вес английского золота, щедрой рукой рассыпаемого в Персии, произвел обыкновенное свое действие... Вместо мирных переговоров, коих должно было ожидать... персидское правительство, удержав доселе моих посланных, долго не ответствовало мне на мои письма... и вместо того, чтобы приступить к трактации о мире, подвинуло собранные свои войска к нашим границам... причиною же сего ничто другое, как большие суммы денег, английским правительством присланные в Персию, насчет которых персияне предприняли нынешний год войну...»¹²⁷. Иран тянул время. Будучи не в состоянии в нынешних условиях продолжать войну, он надеялся на помощь англичан (которые, всячески эти надежды, как и было показано выше, раздували), и на изменение обстановки на европейском театре.

25 августа, отсылая посланцев иранской стороны, Тормасов ответил тем же – т. е., что император будет согласен на прием послов в столице только в том случае, когда гра-

¹²³ АКАК, Т. IV. С. 692.

¹²⁴ Там же.

¹²⁵ АКАК, Т. IV. С. 693.

¹²⁶ Игамбердыев М. Указ. соч. С. 134.

¹²⁷ АКАК, Т. IV. С. 693; об английском влиянии на Иран, более подробно, см. в главах V и VI.

ницы будут определены на месте, что и явится основанием для заключения окончательного мира¹²⁸. На этом переговоры были прерваны.

Между тем, в сентябре 1809 г., иранские войска вторглись в находившееся под российским покровительством Талышинское ханство (отряд капитан-лейтенанта Челеева был слишком мал, чтобы им помешать), и уже 16 сентября захватили Ленкорань. Талышинский Мир-Мустафа-хан с семьей и немногими воинами отступил на полуостров, где Челеев высадил 30 матросов с 2 орудиями. Однако, персы ограничились на этот раз разгромом Ленкорани и разорением части селений ханства, так и не добившись от Мир-Мустафы-хана подерживаемого Челеевым изъявления покорности. Тормасов не имел возможности, в силу отмеченной уже малочисленности своих войск послать подкрепления. В Абхазии происходили волнения и междоусобицы за наследство, активизировались ахалцихский паша и лезгинь. Продолжал волновать горцев своими воззваниями и царевич Александр. Для защиты же трех ханств – Дербентского, Кубинского и Бакинского имелся только один Севастопольский полк.

Но в целом, А. Тормасов опасался более турок и внутренних неурядиц, нежели военной силы персов. Проблемы растянутости коммуникационной линии по черноморскому побережью, подрывная деятельность имеретинского царя Соломона, его сношения с турками и персами, требовали хотя бы своего частичного решения уже давно. В итоге, генерал-майор, князь Орбелиани, исполняя приказ командования, присоединив к своему отряду части мингрельской, абхазской (а в дальнейшем – и гурийской милиций), 12 августа 1809 г. выступил из Редут-Кале в поход на Поти. Осада крепости затянулась до поздней осени. Между тем, турки получили значительные подкрепления от Шериф-паши из Трапезунда, которые готовились отбросить русский отряд и части милиции. Посланный на подмогу к Орбелиани отряд Симоновича, из-за препятствий, устроенных ему царем Соломоном не успел к началу развязки, которая наступила 2 ноября 1809 г. Тогда, в результате ожесточенного боя, князю Орбелиани удалось разгромить силы турецкого десанта, которые потеряли только убитыми 1 500 чел. и 283 пленными. 15 ноября комендант Кучук-бей, уже не имея надежды на помощь сдал крепость. В своей прокламации от 24 ноября 1809 г., главнокомандующий Тормасов, касаясь итогов этой затянувшейся операции с удовлетворением отмечал «Таким образом, сия крепость, важнейшая по своему местоположению и укреплениям, связующая беспрепятственное сообщение Мингрелии с Тавридой и пресекая все пути туркам в том краю увлекать в плен утесненный ими мингрельский народ, исповедующий христианскую веру, и обращаться в богопротивном пленнопродавстве, повергла себя в вечное подданство Всероссийской Империи»¹²⁹. За *небывалое*, по выражению Тормасова содействие в этом деле, по утверждению императора Александра I многие лица были удостоены различных наград, и, в их числе, князь Мамия Гуриели (произведен в полковники с пожалованием ордена св. Анны 2-й степени), правительница Мингрелии княгиня Нина Георгиевна (с пожалованием ежегодного пенсiona в 3 000 руб. ассигнациями) и др.¹³⁰.

После этого, пользуясь относительным затишьем (не считая мелких стычек и персидских набегов), главнокомандующий вплотную занялся имеретинскими делами. Практически неприкрытая подрывная деятельность царя Соломона, на протяжении последних 5 лет нарушавшего условия, давно требовала пресечения. Царь постоянно настаивал на удалении русских войск из Имеретин, заключении нового трактата о подданстве, передачи ему в управление Лечхума, и параллельно сносился с турками и персами. Неоднократные предложения и переговоры ничего не дали. Дело завершилось прямой изменой в мае 1810 г.,

¹²⁸ Дубровин К Указ. соч. Т. V. С. 242.

¹²⁹ АКАК. Т. IV. С. 763.

¹³⁰ АКАК. Т. IV. С. 395–396.

когда царь Соломон, бежавший в Ахалцихский пашалык, организовал оттуда выступления имеретинцев против русских войск. Спокойствие в Имеретин было восстановлено только ближе к концу 1810 г., когда царь вторично бежал из Имеретин – на этот раз – навсегда. В Имеретин было организовано временное управление. Тем временем, 19 июня 1810 г. князем Мамией Гуриели был подписан трактат о переходе Гурии под российское подданство.

В этих условиях, в Петербурге полагали, что в Тегеране и Тавризе будут более трезво смотреть на вещи, и не откажутся от возобновления мирных переговоров. В письме Тормасову от 16 ноября 1809 г. Румянцев излагал основные инструкции, на основании которых должен был действовать главнокомандующий. Так, на этот раз ему предписывалось «с благоугодностью принять изволить» предложение персов об отправке чрезвычайного посольства в Петербург. В случае же, если бы персы захотели заключить перемирие на месте, то Тормасову предписывалось согласиться на него тогда, когда оно было бы заключено на срок от двух до пяти лет, и распространялось на все подвластные России владения мусульманских ханов. В залог сохранения перемирия, нужно было потребовать у иранской стороны уступок крепостей Эриванской и Нахичеванской. В крайнем случае, Тормасову позволялось и без этих условий заключить перемирие, но сроком, не более, как на два года. Иран в итоге выразил согласие на переговоры. В начале февраля 1810 г. Аббас-Мирза сообщил, что согласен на съезд для заключения перемирия в Карабахе. Однако, начавшиеся 20 апреля и длившиеся 18 дней (до 8 мая) переговоры в Аскеране вновь завершились ничем. В срыве переговоров была велика роль английской дипломатии.

Таким образом, возобновление военных действий вновь становилось неизбежным. Военный министр Аракчеев в приказе ген. Тормасову писал «...в случае, если вы усмотрите пользу или надобность в наступательных действиях, то в таком случае е. и.в. вас в оном разрешает. Предоставляя местному усмотрению вашему все нужные по сему распоряжению»¹³¹. Готовясь к возобновлению боевых действий, Тормасов разделил свои силы на три части одна под началом генерал-лейтенанта Розена находилась в Саганлуге (лагерь под Тифлисом); другая под командованием генерал-майора Портнягина – в Памбаке и Шурагеле; третья под командованием генерал-майора Небольсина – около Елизаветполя, на р. Тертер у урочища Чардахлы. Главнокомандующий как и ранее, не мог особо рассчитывать на содействие ряда мусульманских ханов. Его распоряжения и просьбы о присылке определенного количества вооруженных сил постоянно игнорировались. Отговариваясь разными причинами, Мустафа-хан Ширванский не слал подкреплений и сам не ехал на встречу с Тормасовым, а Мехти-Кули-хан Карабахский прислал всего 70 человек конницы, которая была признана никуда не годной. Был верен Мир-Мустафа-хан Талышинский, однако, средства его были очень незначительны, и сам он нуждался в обороне. Зная о его уязвимом положении, иранская сторона по прежнему не оставляла надежды на отрыв Мир-Мустафы Талышинского от русских. В этом им усердно помогали также англичане. Но, несмотря на все попытки англичан¹³², им не удалось склонить Мустафу-хана на сторону персов.

Между тем, Тормасов, не веря в положительный исход переговоров, уже загодя отдал все необходимые распоряжения. В результате, в своем рапорте от 29 июня 1810 г. из Амамлы генерал-майор Портнягин доносил главнокомандующему следующее «Войска здешнего края приведены в готовность к действию против неприятеля и, сколько возможность позволила, приняты меры к предупреждению хищничества. В Памбаке прикрыты посты Караклисский 2-мя ротами и 4-мя орудиями; в Саралах расположена рота в такой готовности, чтобы по первому покушению хищников между Караклиеом и Амамлами могла секурсировать; в Беканте рота и 2 орудия, а прочие как вверенного мне полка 2 эскадрона, 8 рот Сара-

¹³¹ АКАК. Т. IV. С. 182–183.

¹³² Более подробно описаны в главе VI.

товского мушкетерского полка, козаки подполк. Агеева и 9 орудий расположены лагерем при Амамлах во всей готовности; в Шурагели, в укреплении Гумрах – 2 роты – все азиатские орудия и одно российское; в Артике 2 роты и 3 орудия; с прочими полк. кн. Ураков расположен близ Гумр»¹³³.

В рапорте за то же число, генерал-майор Небольсин из Чардахлы докладывал о складывающейся боевой обстановке на вверенном ему участке и о предпринятых им мероприятиях, нацеленных на отражение противника. Так, в частности, он отмечал «Полк. Асеев доносит мне 24-го с № 169, равно и Мехти-Кули-хан уведомляет, что по случаю нахождения полк. Котляревского в Мигри, персидские войска находившиеся у Худо-Аферинского моста, пошли к Мигри и сверх того большие их есть приготовления о выгнании батальона из Мигри и потом делать на Карабаг сильные нападения... действительно неприятель вознамерится большими силами вытеснить оттоль (из Мегри – В.З. и В.И.) батальон и отрезать оному дорогу в Шуши, дабы не иметь сношения с ним, опасаясь более, чтобы войска наши не пошли в его границы к Ордубаду; как сей город славится богатством торговли, и к Тавризу – предписал сего же числа полк. Асееву батальон подполк. Парфенова поставить на дороге, ведущей из Мигри в таком месте, чтобы в случае надобности дать секурс и не мог бы неприятель отрезать полк. Котляревскому выход из Мигри к Шуше, полагая, что он по предписаниям моим, если не предвидит важной опасности, оттоль выступил. Я же с отрядом мне вверенным выступаю от Чардахлов в Карабаг, имея в виду здешних кочующих татар и Елисаветполь и коль скоро получу на дороге верные известия, что батальон из Мигри выступит и опасности в пресечении дороги от неприятеля не будет, персияне же обратятся на сию сторону, то я тотчас обращусь сюда»¹³⁴.

В первой половине июня, переправившись через Худаферинский мост, персы вторглись в Карабах. Тогда же, с целью занятия важного стратегического пункта – Мегринского укрепления, генерал-майор Небольсин приказал полковнику Котляревскому его занять. Небольшой отряд Котляревского (всего – 439 чел.) рассеяв по пути силы Керим-хана в 1000 чел., подошли к Мегри, и 15 июня, после решительного штурма занял Мегри. Главкомандующий Тормасов особо отметил эту замечательную победу в своем рапорте Александру I от 5 июля 1810 г., где, в частности, было сказано следующее «Атака, им (Котляревским – В.З. и В.И.) произведенная, была столь стремительная и неприятель доведен был до такого изумления, что полковник Котляревский опрокинул его и ворвался с двумя ротами егерей в местечко Мигри. Пораженный и бегущий неприятель выгнан был штыками и встречен майором Дьячковым... Неприятель по показанию пленного Аллах-Кули-бека был в числе тысячи двухсот человек под предводительством Абулфет-Аббас-мирзы Кулар-Агаси или начальника гвардии. Урон неприятельской убитыми, оставленными на месте сражения, простирается более 300 человек, пленных, кроме сказанного бека, не взято, потому что малость нашего отряда, ночное время и поспешность, с которою должно было действовать, не позволяли брать живых, а все падали под штыками»¹³⁵.

Занятие Мегринского укрепления было довольно важно с военно-стратегической точки зрения. Как отмечает Н. Дубровин «Занятие это имело весьма большое значение для персиян. Находясь на левом берегу Аракса, селение Мигри считалось ключом Карабаха и Тавриза, от которого отстояло не далее ста верст. Не было сомнения, что Аббас-Мирза, имея от многочисленных лазутчиков точную цифру людей в отряде Котляревского и пользуясь превосходством своих сил, употребит все усилия к тому, чтобы снова овладеть Мигри»¹³⁶.

¹³³ АКАК, т. IV, с. 719.

¹³⁴ АКАК, т. IV, с. 720–721.

¹³⁵ РГВИА, 1810, ф. ВУА, д. № 6186, лл. 46–47.

¹³⁶ Дубровин Н. Указ. соч. т. V, с. 347–348.

Паулуччи Ф.О.

С целью усиления Котляревского, Небольсин послал ему провиант и небольшое подкрепление.

2 июля иранцы, в самом деле, в количестве 4000 чел. подошли к Мегри.

Небольсин, учитывая всю сложность обстановки (у Котляревского даже после присылки подкрепления было всего лишь 600 штыков) позволял Котляревскому отступить, однако последний отказался сделать это. Наоборот, он решил атаковать. В ночь на 8 июля, оставив для охраны Мегри 2 роты, он с остальными силами двинулся на иранский лагерь и стремительно его с трех сторон атаковал. Персы не могли допустить, что русские, имея такие небольшие силы решатся атаковать. Разгром персов был сокрушительный. В штыковом бою русскими было уничтожено до 800 чел. Отряд Котляревского между тем потерял лишь 19 чел. иранцы были отброшены за Араке.

Другой, не менее важной задачей являлось недопущение соединения персидских и турецких войск. В августе 1810 г., между Ираном и Турцией был заключен против России военный союз. Хусейн-Кули-хан с отрядом в 7000 чел. шел к Ахалкалаки на соединение с турками. Ему навстречу двигалось 15 000 турецких войск под началом Шериф-Мамед-паши. Уже 15 августа Хусейн-Кули-хан был у Ахалкалаки. Генерал-майор Портнягин начал укреплять Памбак и Шурагель, откуда ожидалось вторжение соединенных ирано-турецких сил. Однако сил для ведения успешных наступательных операций у Портнягина было недостаточно (в его распоряжении имелось всего лишь 3 899 чел., разбросанных по широкому фронту в Амамли – 1.380 человек с девятью полевыми орудиями; в Тамардаши 600 чел. с 4 орудиями; в Гюмри -367 чел. с 1 орудием; в Артике – 587 человек с 1 орудием; в Караклисе – 560 чел. с 2 орудиями; в Беканте – 395 чел. с 1 орудием). Тормасов, с целью недопущения соединения иранцев с турками, сформировал сводный отряд под командованием генерал-майора Паулуччи. Следовало спешить. Так как уже имела место личная встреча между Хусейн-Кули-ханом и Шериф-пашой.

В результате, ночью 5 сентября 1810 г. отряд генерал-майора Паулуччи стремительно обрушился на иранский лагерь с трех сторон. Полковник Печерский атаковал с левого, а полковник Лисаневич – с правого фланга. Атаку в центре возглавил сам Паулуччи. В результате этого боя, иранцы потеряли 2 ханов, 700 человек убитыми и ранеными, и 4 знамени. Исмаил-хан и И чиновников были взяты в плен. Потери русских войск составляли 4 убитых

и 17 раненых. 8 сентября отряд генерал-майора Паулуччи возвратился в крепость Цалку. За разгром персов под Ахалкалаки Паулуччи был произведен в генерал-лейтенанты, полковник Лисаневич в генерал-майоры. Печерскому пожалован был орден св. Георгия 4-ой степени¹³⁷.

В приказе по армии было сказано «Знаменитая победа, одержанная на границе Картли пятого сентября над десяти тысячным корпусом персиян и турок, едва ли не одним российским воинам была возможна. Два батальона девятого и пятнадцатого егерских полков с двумя легкими орудиями и частью казаков в холодную и ненастную погоду идут трое суток через снеговые горы, которые даже жители тех мест считали непроходимыми, и в самую полночь приближаются в таком порядке и тишине, что неприятельские караулы их открыли только в ста шагах от своего лагеря. Неожиданное появление, залп из ружей и артиллерии и быстрое стремление в штыки распространяют неодолимый ужас между многочисленным неприятелем. Храбрые русские воины пролетают обширный лагерь от одного конца до другого, и уstraшенные персияне и турки без оружия и одежды спасаются бегством, бросаясь стрелами в глубокий каменистый ров. Весьма богатый лагерь достался в добычу победителям; все оружие, множество лошадей, лучшие драгоценности, золото и серебро разделено между нижними чинами; прочее же богатство, состоящее в экипажах и палатках, по невозможности поднять и половины оно, истреблено. Такой необыкновенный подвиг должен послужить примером потомству в том, что храбрость, труды и усердие заменяют численность войск, побеждают природу и торжествуют над многочисленным неприятелем»¹³⁸.

---

¹³⁷ Потто В. Указ. соч. С. 456–457.

¹³⁸ Там же.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.